

ХОДЯЩИЙ ПО ТЕНЯМ

История Кристиана де Гильера

Михаил Федоров

Михаил Федоров

**Ходящий по теням. История
Кристиана де Гильера**

«Автор»

2026

Федоров М. Г.

Ходящий по теням. История Кристиана де Гильера /
М. Г. Федоров — «Автор», 2026

Это история о мире Сааны и о тех, кого называют Ходящие по теням. Они издревле охотятся на вампиров и защищают от них людей. В них есть немного от света и немного от тьмы. Но многие видят лишь то, что темнее. Сколько бы добра ты не сделал - его будет недостаточно. Люди воткнут тебе нож в спину, когда ты будешь им помогать. Или протянут руку помощи, когда ты обречён. То, что было забыто на многие века, просыпается. Древний ужас, заточенный в Бездне стремится выбраться наружу. И Кристиан де Гильер вынужден встать на пути.

© Федоров М. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

История первая. Жнец смерти	5
История вторая. Переступая черту	11
История третья. По Изнанке мира	21
История четвёртая. Сумеречные своды	31
История пятая. Мариосса	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ходящий по теням. История Кристиана де Гильера

История первая. Жнец смерти

Воздух холодным потоком обдувал лицо. Я стоял на холме и смотрел на расположенную внизу деревеньку. Обычное селение на отшибе. Одно из сотни, что я прохожу из раза в раз, выискивая вампиров. Большая часть жителей — крестьяне, пахари, пастухи, кузнецы. Везде одно и то же. В особенности люди. Пока все хорошо — они добрые и отзывчивые, но стоит произойти чему-то плохому, как сразу раскрывается их истинная суть.

Я ненароком повёл правым плечом. Шрам до сих пор беспокоил меня. Прошло уже несколько лет с тех пор, как мне преподали урок, что доверять никому нельзя. Повезло, что в голову недоумка не пришла мысль ударить в левую часть спины. Деревенский кузнец почему-то решил избавить мир от ходящего. Причём, в тот самый момент, когда я изучал следы вампира, который орудовал по округе.

Диан тогда знатно посмеялся надо мной, пока Калья обрабатывала и зашивала рану.

— Ну а что я тебе говорил, парень?

Это его извечное всезнайство порядком доставало. Правая рука Лин'Каэтрин, казалось на всё имел своё мнение. И, конечно же, оно не сходилось с моим. И ничто не могло стереть самодовольную улыбку с его лица, когда я в очередной раз подтверждал на примере его правоту.

Смеркалось. Самое подходящее время для охоты. Солнца уже нет, но ещё светло. Люди теряют бдительность, не ожидают подвоха от подходящей незнакомой фигуры. Я улыбнулся. Где та грань, когда тебе становится страшно? Насколько темно должно стать?

Метка Алантры едва заметно обдала холодом левую руку, когда я взглянул на мир сквозь Изнанку. Многообразие серого цвета. Тысячи оттенков одновременно. И все сливаются в один. Цвет тени.

Всё было спокойно. По крайней мере, пока.

Я неторопливо направился вниз, к мосту. Неширокая, полуручей-полурека Ярза огибала деревеньку и уходила далеко в леса, чтобы через несколько дней пути впасть в Арзомитовое море. Или, как любили его называть барды — поющее море. Хотя сколько бы ни пытался — никакой песни я так и не услышал. Ни в полночь, ни в полнолуние, ни на рассвете. Очевидно, людям, как всегда понравилось красивое название. Диан, правда, сказал, что мне пока рано слышать песнь моря. И в тот раз за его насмешливой улыбкой скрывалась печаль. Я так и не понял, печалился он на самом деле или в очередной раз насмехался. Но выяснять не стал.

Вышний Рачет предстал передо мной во всём своём великолепии двадцати дворов. Уж не знаю, кто придумал такое название, но планы были явно грандиозными. Жаль, автор ограничился только громким именем. Деревенька имела весьма захудалый вид. Перекошенные заборы, старые грязные доски и маленькие, ничем не примечательные дома.

Седой древний старик разгонял коров по дворам, подгоняя их такой же сухой, как и он сам, хворостинкой. На меня он даже не обратил внимания. Просто доживал свой век. Возможно, дети смогли бы зажечь искорки жизни в его глазах. Но сейчас рядом был только я. И коровы. Одна из них, кстати, изучала меня своими ореховыми глазами, смешно наклонив голову.

Я медленно прошёл через всю деревню до дома старосты. Это было обычным делом. Спросить, не случилось ли чего плохого в последнее время. И самому исследовать округу на предмет странностей. Как правило, всё было хорошо и лишь изредка, примерно, в каждой десятой деревеньке для таких, как я находилась работа. И нет, ходящие не брали за неё

деньги. Во всяком случае с простого люда. Согласитесь, было бы немного странно. Ты повелеваешь тенями, можешь разнести всю округу в руины и при этом трясёшь с крестьян последние монеты. При этом денег у нас всегда было в избытке. Нам платили Корона, Ровалия, Триссинские острова, Илирия, практически все государства, которым требовалась наша помощь. Все отчисления поступали прямиком в Сумеречные своды и шли на обучение таких, как я, на поддержание замка в чистоте и порядке и, конечно же, на еду и кров в путешествиях.

Но если вдуматься, то все полученные деньги шли от уплаты налогов государству. Так что, волей-неволей, эти самые бедняки, с которых у меня бы рука не поднялась взять и самую захудалую монету – оплачивали мои услуги. Нет, конечно, большая часть в казну поступала от купцов и гильдий. Но все же. Вполне возможно, что одна из монет в моем кармане, как раз родом из этих мест.

Дверь в дом старосты оказалась приоткрыта. И это, не смотря, на довольно прохладный вечер. Я постучал, но не дождавшись ответа, решил войти внутрь.

Едва заметное движение пальцами и вокруг заструился щит. Его было почти не видно, разве что, воздух стал чуть темнее. Но сейчас, в вечерних сумерках – никто этого не заметит. Метка Алантры обожгла холодом, когда я потянулся к Изнанке. Все вокруг замедлилось, потеряло краски. Ощущения обострились. Сейчас, для обычного человека, я двигался очень быстро. Возможно, это кого-то напугает. Но лучше так, чем я не замечу атаки вампира. В отличие от магов, некромантов и им подобным, ходящие могли ходить через Изнанку мира, за мгновения преодолевая невероятные расстояния. Разумеется, такой фокус могли проворачивать только самые искусные и сильные. Да и они были ограничены в путешествиях. Остальным же ходящим, оставалось довольствоваться тем, что называлось смотреть через Изнанку. Находясь в таком состоянии мы обостряли свои чувства до предела, время вокруг, словно замедлялось, а ты оставался таким же, как и обычно. Только так и можно было сражаться наравне с вампирами. Для людей они передвигались слишком быстро. Маги не могли их задеть, потому что элементарно не успевали. Единственное, что они могли сделать – это устроить локальный конец света. Я видел пару таких мест. Всё сожжено, разворочено. И хорошо, если в этот момент рядом не находились люди. Это всё равно, что в охоте за мухой, обрушить на неё скалу.

Так что, мы были единственными, кто наравне мог противостоять вампирам. Единственный минус в том, что при использовании своих плетений, узоров и рисунков мы задействуем тени. И люди в основном видят тьму. А пойдя объясни человеку, который даже не умеет читать, чем тень отличается от света, от тьмы. Что не имея света, ты никогда не увидишь тени. Для многих мир делится только на хорошее и плохое, чёрное и белое, но все как-то забывают про серое. При этом, человек вполне может украсть у своего соседа лопату или ещё что-нибудь, просто потому, что плохо лежит. Но он не будет считать себя плохим. Ведь сосед сам виноват. Нужно было лучше смотреть за своим добром.

Я усмехнулся своим мыслям и повёл правым плечом, словно напоминая себе, что нужно быть осторожнее. На чердаке закрипели половицы. Я дёрнулся и почти в мгновение оказался наверху. Несмотря на высокую скорость реакции, в таком состоянии, двигались мы немногим быстрее обычного человека. Слишком мало и достаточно одновременно. Достаточно, чтобы не умереть. Изнанка позволяла среагировать. А связки и мышцы не предназначенные для нечеловеческих нагрузок, могли просто-напросто оторваться от костей. Поэтому перемещались мы лишь чуть быстрее, чем нужно. Ровно настолько насколько позволяло тело.

Я распахнул дверь. Над левой ладонью трепетала тёмная сфера, готовая в любую секунду сорваться вперёд.

На полу сидел паренёк лет восьми и играл с деревянными куклами. Я поджал губы. Слава богам, Диан этого не видел. Иначе я бы потом до окончания времён слушал бы шутки про кукол и недоучек-ходящих.

– Привет, а где твои родители? – Спросил я первое, что пришло в голову.

Малец увидел меня и, ничуть не робея, ответил:

– А, так они у Стрэма в гостях. У него сегодня сорок лет. Вся деревня там собралась на гуляния. А вы ходящий, да? Защищаете от вампиров? А они страшные?

Паренёк забросал меня градом вопросов. Судя по всему, увидел нашивку в виде размытой человеческой тени на плаще. Что было хорошо. Я про реакцию. Если детей с детства учат не бояться ходящих и не рассказывают всякую ерунду, то они, как правило, вырастают не такими ограниченными и категоричными.

Кстати говоря, кое-где на полках у стен, стояли книги в старых кожаных обложках. По большей части сказки, насколько я успел разглядеть. Не удивлюсь, если малец умел читать.

– Очень. Поэтому нужно закрывать двери.

Мальчик посмотрел на меня карими глазами.

– А она просто рассохлась. Папенька уже неделю обещает поменять.

Я улыбнулся. Обычно, самые важные вещи, оказываются вот такими вот мелочами. Которые постепенно копятся и в итоге их становится слишком много.

– А где живёт, этот ваш Стрэм?

– Дом с оранжевой крышей, там еще яблоня прямо перед дверью растет, - махнул рукой себе за спину мальчик.

Я поблагодарил мальчика и отправился на поиски дома с оранжевой крышей. На улице уже успело окончательно потемнеть. Поэтому следовало поторопиться, искать в кромешной тьме крышу любого цвета – то ещё занятие. Воздух был приятным и прохладным, совсем другое дело, не то, что было на холме. Я шёл по единственной улице, вглядываясь в крыши. Домов немного, так что как-нибудь справлюсь. Нужный оказался в самом начале деревни. Странно, что не было слышно шума застолья. Селение небольшое, а значит собраться должны были почти все.

Ситуация прекращала мне нравиться. А может просто стало слишком темно? Яблоня и вправду оказалась почти перед дверью. Буквально пара шагов. Расти она чуть ближе и, скорее всего, её ветви попадали бы прямо в окна.

Я почти дошёл до двери, когда заметил привалившуюся к стволу дерева фигуру. Странно, на меня не обратили, ровным счётом, никакого внимания. Я подошёл ближе, доставая из кармана магический огонёк. Фигурой оказалась женщина в возрасте. Из её груди торчал обрубок ветви. Кровь едва заметно, тягуче текла вниз.

Я выругался. А затем собрался, оценивая ситуацию. Прошло уже какое-то время. Кровь не хлещет фонтаном, но и не успела засохнуть.

Но что мне не нравилось больше всего, так это то, что я до сих пор не видел, а самое главное - не чувствовал ничего. Никаких следов вампиров поблизости. Что могло означать две вещи. Либо я наткнулся на высшего, либо здесь поработал кто-то другой. И в данной ситуации я бы предпочёл второй вариант. Рановато мне пока тягаться с высшими. Сфера Ринтрела зазвенела, окутывая меня тенью с ног до головы. Дымчатый щит, который я создавал до этого, против высшего почти бесполезен. А вот Сфера Ринтрела, хоть и качает силу, но поможет выиграть пару мгновений. Мир посерел, в правой руке сооткался клинок.

Я потянул дверь на себя, готовый в любой момент отскочить назад. Просторные сени, на крючках у стены висят куртки и жилеты, дверь дальше открыта. По спине пробежала волна холода. Я потянулся к Изнанке, черпая силу. Такими темпами скоро мне понадобится отдых.

Длинный стол, уставленный едой и напитками, тарелки, лавки, печь в углу. И ни души.

Здесь явно было что-то не так. Не может целая деревня исчезнуть без следа. Следующая комната. Скорее, проходная, связующая остальные. Дом, на удивление, большой, добротный и хорошо сработанный, по сравнению с остальными. Две закрытые комнаты, лестница на второй этаж. Я быстро пробежался взглядом, выбирая. Следовало идти по порядку. Поэтому я взялся за железную ручку ближайшей ко мне двери. Та, словно нехотя, отворилась. Пришлось прило-

жить силу. Что было странно. Сейчас мне должно было хватать сил на десятерых. В нос ударил металлический застоявшийся запах. Я едва не закрыл дверь, увидев, что за ней творилось.

Куча поломанных тел, беспорядочно сложенных друг на друга от пола и до потолка, образующих вместе куб. Все в крови. И при этом в комнате идеальный порядок. Я остолбенел, пытаясь переварить представшую передо мной картину. Кто мог такое сотворить?словно отвечая на мой вопрос из-за груды тел, облизываясь вышел огромный волк. Я начал тянуть силу, готовясь ударить.

– Не думаю, что тебе понравится результат, ходящий.

Справа от меня стоял человек с едва заметной сединой в бороде, и двумя тонкими линиями шрамами прямо под глазами. Я посмотрел на него сквозь Изнанку и отступил на шаг. Уж лучше бы на его месте стоял высший вампир. Были бы хоть какие-то шансы.

Сплошной тёмный клубок, размером едва ли не больше груды тел, собранных со всей деревни. Сила так и норовит выбраться наружу, бьёт то с одной стороны, то с другой, размывая фигуру и контуры. Если посмотреть через Изнанку на Калью, мою наставницу, то можно увидеть сдержанный, средних размеров шар. А она очень сильна. Здесь же – огромный потенциал. И сейчас его обладатель стоял передо мной, положив руку на холку огромного волка. Все равно что сравнить Ярзу и море, в которое она впадает.

– Кто ты?

– Я? – незнакомец нехорошо усмехнулся. – Судя по всему, тот, о ком давно забыли, раз даже ходящий не может понять.

За спиной человека. Человека ли? Висел, под стать волку, огромных размеров лук. На руки были надеты перчатки с обрезанными пальцами. Зелёный плащ с капюшоном, сапоги со страшными кричащими лицами вместо пряжек. И огромная, невиданная мной раньше мощь.

Драться с ним было бесполезно. Повезёт, если хотя бы просто сумею уйти. И, что самое интересное, даже сейчас, с обострёнными до предела чувствами и реакцией я не был уверен, что успею шагнуть в тень.

– Тебе нечего бояться. Корван уже забрал, что ему причиталось.

Корван? Причиталось? Что, Бездна меня заберет, здесь происходит? Я наткнулся на полумного божка? Хотя, я о таких не слышал. Кем был этот незнакомец? Я мельком посмотрел на кучу тел, готовый в любую секунду шагнуть на Изнанку. Меня передёрнуло. Даже на полях боя такого не увидишь. Да, там страшно. Люди лежат перерубленные пополам, без рук, ног, хрипят, просят, чтобы их убили. Но там, хотя бы – это ожидаемо – они знают на что идут. Тут же – идеальный порядок. И тела посреди комнаты, сложенные почти в правильный куб. Будто, бродягу голодранца внезапно посадили рядом с королём во время пира. Или в клетку к диким животным бросили маленького беззащитного ребёнка. Есть вещи, которых быть не должно. И то, что происходило сейчас – было, как раз, одной из таких вещей.

– Если тебе интересно, то все, кто сейчас тут лежат, должны были умереть ещё семнадцать лет назад. Но они решили заключить договор. А договоры следует исполнять. Зачем заключать договор, если не в силах его исполнить. Правильно?

Странный, явно лишенный остатков разума незнакомец с ручным чудовищем. И почему мне постоянно везёт на такое?

– Договор?

– Да, ходящий. Договор. Обычно я их не заключаю. Но тут... – лучник или охотник, или Бездна пойми, кем он там был, замялся, подбирая слово. – Мне стало любопытно.

Я посмотрел на волка, на груды тел и опять на своего неожиданного собеседника. Любопытно?

– Один мальчишка случайно нашел вход в пещеру. А там, как и должно быть в сказках – целый сундук сокровищ. Представляешь? А рядом стоял саркофаг. Мальчик оказался, на удивление не жадным, пошёл и рассказал все старосте. Тот собрал мужиков и пошли они в

пещеру. А там и вправду целый сундук с золотом, чашами, кубками, драгоценными камнями. Взяли они всё это добро и понесли в деревню. Вот только никто из них не знал, что не просто так вход в эту пещеру был сокрыт. Иногда в легендах и сказаниях спрятано очень много. Кто виноват, что они ничего не слышали? Знаешь, кто лежал в саркофаге?

Незнакомец сделал паузу, словно ожидая, что я отвечу.

– Один вельможа, из тех, что побогаче. Таким всегда мало золота и поэтому он решил снарядить экспедицию в Проклятые земли[1]. Ещё тогда, когда они только-только появились. Подумать только, сколько там было остаточных эффектов после войны. Сила струилась прямо над землёй, бери не хочу. Нашлась парочка волшебников, что по глупости решили, будто поймали удачу за хвост. Недаром земли назвали Проклятыми. Говорят, они умирали в муках недели две, не меньше. А вместе с ними и весь отряд, во главе с вельможей. Проклятая Сила даёт только болезни и муки. Они все заразились оспой. Сгнивали заживо в мучениях и криках. Так получилось, что вельможа смог добраться до этой деревеньки. Но на счастье всех живущих – ему на дороге встретился некромант. Лицо вельможи, обезображенное рубцами и язвами, без слов рассказало слуге смерти обо всем. И ему не оставалось ничего другого, кроме как убить человека. Он завернул тело в плащ, взял все найденные богатства и захоронил его в пещере. Даже саркофаг где-то нашёлся. После этого некромант отправился в деревню, рассказал эту историю старосте и строго-настрого запретил соваться в эту пещеру. Я не помню, что случилось с тем некромантом. Но время идёт, истории забываются, превращаются в сказки, легенды, а потом не остаётся даже их.

#1[Проклятые земли - территория, появившаяся после Тёмной войны. Там был открыт проход в Бездну в попытке изгнать несущих смерть]

И поэтому семнадцать лет назад люди открыли то, чего открывать не следовало. И все заразились болезнью. Знаешь, сначала – это всего лишь озноб и жар, потом появляются сильные рвущие боли в спине и конечностях, начинает болеть голова, наступает жажда. А затем, самая прекрасная невеста превращается в живой труп. Родная мать не узнает своё дитя, если оно больно оспой. Когда я пришёл забрать то, что принадлежит Маррэдит, вся деревня представляла из себя жалкое зрелище. Меня почему-то увидел старец, ты мог наблюдать его сегодня, когда он загонял коров по дворам. В его голове ещё сохранилась толика воспоминаний и он воззвал ко мне, прося пощады для всех. И тогда мы заключили договор. Семьдесят две жизни я сохраняю, но столько же заберу. На протяжении семнадцати лет они должны были отдавать своих новорожденных. Именно столько должно было появиться на свет у них в деревне. Но, видишь ли в чём дело. Всегда найдётся тот, кто посчитает себя умнее остальных. Нынешний староста со своей женой отчего-то решили, что они могут спрятать своего ребёнка и никто об этом не узнает. И у них почти получилось. Только вот незадача – я насчитал семьдесят одну душу. Одной не хватило. Теперь Смерть забрала сто сорок две души. Старца я пощадил, потому что он просил не за себя, а за других. А мальчишка...

Жнец смерти посмотрел на меня своими чёрными глазами. Теперь-то я понимал, кто стоит передо мной. Егерь. Тот, кто является людям в последнюю минуту их жизни. И сейчас, это почти божественное существо разговаривало со мной. И отчего-то, знание не придало мне уверенности. Разговаривать с тем, кто является к тебе перед смертью. В любое другое время я бы знатно посмеялся. Сейчас же, я был готов шагнуть в тень. Уйти из этого мира. Спасись там, где меня не достанут. Не должны достать.

Жнец смерти пронзил меня взглядом своих чёрных глаз. Метку Алантры обожгло холодом. Я почувствовал, как теряю контроль над тенями. Сфера Ринтрела протяжно зазвенела и разлетелась осколками. Клинок в руке рассеялся. Изнанка отступила, возвращая меня в обычный мир.

– Бесплезно, Кристиан, – голос егеря был усталым, а удивляться тому, что он знал моё имя было глупо. – Но не бойся, я просто хочу показать, что если захочу – тебя не спасёт ничего.

У меня будто выбили землю из-под ног. Я начал задыхаться. Сила ушла в одно мгновение. Нет, меня не отрезали от Дара. Его просто забрали. Отняли. Будто его никогда и не было. Я, впервые за долгое время, наконец, почувствовал ту самую беспомощность, в которой живут обычные люди. Когда ничего не можешь сделать, словно ты калека. Наверное, весь спектр эмоций отразился у меня на лице, потому что егерь удовлетворенно усмехнулся и поднял руку до уровня глаз, он будто что-то держал в трёх сжатых в щепотку пальцах.

В ту же секунду я вдохнул воздух наполненный силой. А затем ещё и ещё. Каждый вдох был больше предыдущего. Всего на миг лишенный того, что имел, сейчас, я упивался, почти захлёбывался. Словно путник, пересекший пустыню без воды.

Егерь забрал силу, но вернул с лихвой. Я чувствовал, что могу шагнуть в тень и пройти невероятное расстояние. Изнанка не выпьет меня, как обычно.

Волк с интересом открыл пасть и высунул язык, наблюдая за мной.

– Что касается мальчишки - присмотришься к нему. Я не забрал его только потому, что сегодня ты проходил мимо.

Мгновение и в комнате оказалось пусто. Ни крови, ни тел, ни огромного волка. Только слова до сих пор висят в воздухе. Будто напоминая. Я зажмурился, протёр глаза, но ничего не изменилось.

Яблоня на улице стояла прямо перед дверью. Ничего, ни одного следа. Ни капли крови. Только сук поломан. Я тихонько выругался. Не может же целая деревня исчезнуть просто так?! Оказывается, может! Да ещё как! Теперь следовало наведаться к мальчугану, а потом уйти и постараться, чтобы ни один случайный человек меня не заметил. Иначе потом пойдут слухи, что ходящий отдал все души, что жили в Вышнем Рачете, Бездне. Или чего похуже. До чего они там смогут додуматься. Благо на улице было темно и я за пару минут добрался до нужного дома.

Лестница, чердак, знакомые деревянные куклы, шкафы с книгами. И мальчишка, сидящий на кровати. Я посмотрел на него сквозь Изнанку. Да, так и есть, у парня дар ходящего. Но я был так занят поиском вампира и мыслями о том, что подумает Диан, что просто-напросто пропустил его. Идиот! Надо же было так опростоволоситься!

– Как тебя зовут? Я – Кристиан.

Парнишка поднял на меня взгляд и ответил:

– Рил. А где мама и папа? С ними всё хорошо? Ты победил вампира?

Я молчал. Говорить парню, что у него теперь нет родителей нельзя. Но нужно. Я задумался. Тут мне понадобится помощь Кальи и Даидир. Уж они-то всегда знают, как разговаривать с теми, кто потерял всё.

– Пойдём. Я покажу тебе самую сильную ходящую в мире. Хочешь?

Глаза мальчугана засияли, но тут же погасли.

– Да! Но мне не разрешают выходить на улицу. Никогда! Говорят, что это очень опасно. И что нельзя, чтобы кто-нибудь меня увидел.

Эх, знал бы он, что теперь уже без разницы.

– С ходящими можно ходить куда угодно, парень. Тем более, что мама и папа разрешили. Я через силу улыбнулся и нарочито громко щёлкнул пальцами, призывая тень.

Парнёк улыбнулся мне в ответ, его глаза опять заблестели и он доверчиво протянул мне свою руку.

Изнанка закружилась, ледяной ветер дохнул в лицо, в уши начал проникать шёпот тысячи голосов.

Я сделал шаг.

История вторая. Переступая черту

С неба, не переставая, лил дождь. За три дня такой погоды я порядком устал и, кажется, успел уже проклясть всех кого только можно. Дорога, к слову сказать, была ужасной – её всю размыло и теперь я, не переставая, месил грязь, ругая последними словами умников из городского собрания и того вампира, не нашедшего ничего лучше, как перебить весь постоянный двор, прямо напротив ратуши.

Естественно, в округе не нашлось ни одного ходящего, кроме меня. Так что не успел я и прибыть в город, как тут же, отправился на охоту за вампиром.

Я шел за ним уже третий день. Пока что меня вёл след из боли и страха, тянущийся за вампиром. Но с каждым часом он слабел. Слишком много времени прошло с момента смерти последней жертвы. Да и непогода играла свою роль.

Внезапно задувший в лицо ветер, скинул с моей головы капюшон и я тут же выругался сквозь зубы, когда вода мгновенно намочила мои волосы и затекла за шиворот. Ледяные струйки поползли по спине, заставляя ежесекундно морщиться. И поэтому, когда вдали показались очертания какой-то деревушки, я вознёс хвалу богам и прибавил шаг, уже думая о тёплой постели и горячем ужине.

Деревня оказалась небольшой, дворов сорок-пятьдесят. Состояла она из двух параллельных улиц и речки пересекающей деревню поперек. Постоялый двор, находившийся в самом центре этого поселения, пестрел вывеской с изображением вороной кобылы, скачущей на фоне леса.

Внутри оказалосьлюдно, шумно и весело. За несколькими столами резались в кости. На сцене выступала какая-то певичка из местных, а в самом центре зала было шумное застолье. Я подошёл к стойке и, положив на неё золотой, сказал хозяину:

– Комнату, ужин, горячей воды и полотенце.

Тот взял монету, проверил – настоящая ли, и кивнул мне:

– Всё будет в лучшем виде господин. – Хотя назвать меня господином было сложно. Весь грязный, мокрый, еле стоящий на ногах, небритый с хмурым, неприветливым лицом – я должен был вызывать скорее недоверие. Но вышивка на плаще в виде размытой человеческой тени делала своё дело. В этих землях, хоть они и стояли на границе с Ровалией, к ходящим относились, если не с почтением, то уж с пониманием и всегда помогали, чем могли.

Одна из служанок проводила меня в комнату. Спустя пару минут, вместе с парой крепких ребят принесла полотенца, воду и зажгла свечи. Они приходили ещё несколько раз, переливая горячую воду из таза в огромную бадью, пока не заполнили её до краёв. Ванны тут конечно же не было, но я был не слишком привередлив в таких делах. В отличие от Розалии. Я окунулся, закрыв глаза, вспоминая высокомерную шентарку. Ещё одну ученицу Кальи. Она никогда не упускала возможности просидеть в кипятке как можно больше времени. Никогда не понимал эту её одержимость чрезмерной любовью к купаниям.

Но надо сказать, что после трёх дней под проливным дождём, старая, обшарпанная ёмкость, в которую я едва влезал, казалась мне прекрасным местом. И горячая, почти что кипяток, вода, была на удивление приятной. В любое другое время я терпеть не мог, если мне хотя бы немного начинало жечь руки, не то что, когда от воды сплошной стеной валит пар. Но, как я и сказал: непогода сделала своё дело.

Кстати, о непогоде. След вампира я перестал чувствовать как раз у начала деревни, что могло означать что угодно. Клыкастая тварь могла сейчас ошиваться где-то поблизости, а могла быть и за несколько лиг отсюда. В любом случае я понятия не имел, куда мне идти и поэтому остановился здесь. Так или иначе, отсутствие висящих в воздухе боли и страха, гово-

рило только об одном – вампир уже несколько дней ничего не ел, а значит, скоро он выйдет на охоту. И одним только богам известно, сколько людей он убьёт на этот раз.

Я чувствовал, как от меня буквально отваливаются кусочки грязи. Распаренные мышцы расслаблялись, а кожа начинала дышать. Тело, наконец, получило долгожданный отдых. А в голове царил покой.

Вода смывает. Будь это грязь или кровь, боль или отчаяние. Ты ложишься в реку и она уносит все твои проблемы с собой. По течению.

Также и с вампиром. Вода смыла след. Забрала с собой в землю. И теперь я мог уповать только на удачу. Наверное, именно поэтому я никогда не любил осень. Затяжные дожди, серое небо и отвратительная погода. Золотая пора, как любила говорить Даидир.

Вампиры...

Меня с детства учили их ненавидеть. Бездушные, жаждущие только одного твари. Мою мать убил один из них. Это случилось очень давно, казалось, что в прошлой жизни. И немудрено, что так казалось. С тех пор прошло три четверти века. Мне тогда было семь. Мы жили в Лиарте, стране баньянов.

Глубокой ночью в наш дом, который после рук своей матери, я считал самым безопасным местом во всём мире, пришёл вампир. Создание Бездны убивало её у меня на глазах. Это теперь я знаю, что они питаются людским страхом. А тогда...

Тогда день выдался пасмурным и мы не смогли зарядить аломит светом солнца. А этот минерал издавна служил оберегом от злых существ. И тогда я не понимал – за что? Что плохого сделала моя мама? Чем она заслужила такую смерть?!

Уже потом, мне объяснили, что не нужно искать логику в том, что делают окружающие тебя люди. И нелюди. Всех ведут свои интересы. Или демоны, что сидят глубоко в душе.

Тогда тоже был умцвель. Первый месяц осени. Холодный, дождливый и серый.

Я тоже должен был умереть в ту ночь. Но боги смилостивились надо мной.

Я закрыл глаза и словно перенёсся на многие годы назад.

Красные, горящие в полумраке глаза. Безумное лицо, с которого стекают струйки крови.

Вампир приближается ко мне. Он не торопится. Зачем? Куда может убежать маленький ребёнок от НЕГО?

Я сжался в углу. Кричать не получается. Двигаться тоже. Страх словно сковал меня, маленького семилетнего ребёнка. У меня нет сил даже на то, чтобы закрыть глаза. А затем я с ужасом осознаю, что тени во всей комнате приходят в хаотичное движение, словно кто-то взял и со всей силы начал трясти лампу. Они разбегаются, перестраиваются в замысловатые фигуры, стягиваются по углам.

И тут лицо вампира тоже окутывает ужас. Он мгновенно забывает про меня. А дальше его движения становятся размытыми, невообразимо быстрыми. Он резко разворачивается вокруг своей оси и рвётся к дверному проёму, но дорогу ему уже преградила тёмная фигура в плаще. Секунда и все тени, что были в комнате, устремляются к вампиру, заключают его в тёмную клеть.

Я смотрю на фигуру в плаще, и в полумраке различаю женское лицо под капюшоном. В следующее мгновение её правая рука чуть сжимается и клеть сминается, насквозь пронзая вампира. Тени разлетаются по углам. Изуродованное тело падает на пол, а девушка поворачивается и делает шаг в мою сторону. Она подходит ко мне и садится рядом:

– Тише-тише, не плачь, – слышу я прекрасный голос. Тёплые руки берут меня за лицо, вытирая слезы. – Я Калья, ходящая.

Ходящая...

Как оказалось, у меня тоже был дар ходящего. Следующие несколько десятков лет я учился управлять тенями и ступать за грань. В другой мир. Калья называла его Изнанка. И если с первым у меня проблем не возникало, то переходы на иную сторону давались мне нелегко. В то время как другие ходящие могли проводить в мире теней по несколько минут, я с трудом мог удержаться несколько секунд. Изнанка выпивала меня в считанные мгновения. Стоило задержаться чуть дольше, чем нужно и следующие несколько дней голова раскалывалась от боли, а перед глазами то и дело темнело. И сколько я не старался, каждый раз мои попытки хождения по Изнанке заканчивались одним и тем же. Если везло, то я вываливался обратно до того, как полностью потеряю сознание, а если нет, то на следующее утро приходилось выслушивать полные недовольства крики Кальи о том, что она больше не намерена следить за мной, как за несмышлёным ребёнком.

В дверь постучали. Служанка принесла ужин. Как раз вовремя – я только-только начал было подумывать о том, чтобы спуститься вниз. Но как оказалось, про меня не забыли.

На подносе меня ждала шипящая сковородка с жареной индейкой и овощами. Я уловил запах розмарина и ещё какой-то до боли знакомой пряности, название которой почему-то вылетело у меня из головы. Рядом стояла кружка с горячим травяным чаем, от которой, кстати говоря, тоже валил пар.

Индейка оказалась великолепной. Следовало отдать местному повару должное – своё дело он знал. Я даже не мог вспомнить, когда в последний раз мне довелось наслаждаться столь вкусным блюдом. Впрочем, так обычно и бывает. Мастера и ремесленники с окраин нашего славного и любимого всеми богами мирка порой могут удивить. Да удивить так, что останется только стоять и с изумлением наблюдать, как на твоих глазах творится очередное чудо.

Я доел свой ужин и лёг на кровать. Следовало хорошенько выспаться перед завтрашним днём. Он обещал быть не из лёгких. Уже закрывая глаза, я отметил, как в углу появились очертания Стража. Тень неподвижно стояла у входной двери, создавая обманчивое впечатление того, что её здесь нет. Если не приглядываться, то можно подумать, что это просто тёмный угол, в который плохо попадает свет. На деле же, любой, кто по своей глупости решит потревожить мой сон, будет очень сильно удивлён.

Когда прямо перед тобой появляется страж, обычно времени остаётся только лишь на то, чтобы успеть удивиться. Создание теней по скорости не уступает вампирам, а это о чём-то да говорит.

Единственный минус стража – он тратит уйму Силы. И далеко не каждый ходящий может удерживать его в реальном мире достаточно долгое время. Кроме того, многие после призыва, не могут сплести никакого другого полезного рисунка. Что, как несложно догадаться, не очень хорошо сказывается на боевом потенциале любого ходящего.

А вот у меня проблем с тeneвым стражем нет. А всё, благодаря метке Алантры на тыльной стороне ладони. Но из-за неё, я не могу ходить по Изнанке, когда другие ходящие по теням с лёгкостью делают это. Зато мне хватает силы на то, чтобы надолго удерживать стража в нашем мире, в то время, как остальные истощаются в считанные минуты.

Так что засыпал я в полном спокойствии. А что может случиться, когда твой сон охраняет порождение теней, в особенности, когда ты ходящий.

Утро началось с того, что дверь едва не слетела с петель. Стучался в неё, судя по всему, великан, не меньше. Пришлось вставать и открывать. В коридоре находился хозяин постоянного двора и какой-то заросший бородой мужик, руками которого точно можно было гнуть подковы. И ладно только если их. Попадешь такому в медвежий захват и уже не вырвешься.

Как оказалось, вторым гостем был староста деревни и дело его не терпело отлагательств. После короткого разговора пришлось собираться и отправляться на одну из окраин деревни.

– Вот, только сегодня утром нашли, эээ... Господин ходящий, – голос старосты был тревожным, было видно, что он чем-то явно испуган. – Будто звери, какие покусали, волк, али медведь. Только без этого, без лап. Наши-то местные сколько вокруг не ходили, ничего не нашли, ни следочка, эээ... Господин ходящий. Будто это... по воздуху, значит, передвигается, не иначе! А земелька она ж мокрая. Давеча только дождь прошёл. И ничегошеньки. Я и подумал, может это, как его, по вашей части?

– Правильно подумал, староста, – судя по всему, мне повезло и вампир был где-то неподалёку. По словам деревенского главы сегодня утром на окраине деревни местные нашли два изувеченных тела. Рваные раны первым же делом заставляли задуматься о зверях, но вот незадача – никаких следов в ближайшей округе не находилось. Староста попался рассудительный и как только узнал, что на местном постоялом дворе остановился ходящий, сию же секунду отправился туда. Слухи по деревне разлетаются быстро. Что уж тут говорить. Сколько раз слышал, но никогда особо не задумывался. Думал, Калья, моя наставница, озвучивает эту фразу только ради того, чтобы пошутить над деревенскими, но как оказалось, её слова были чистой воды правдой. Как и всегда.

– Ну вот, вроде как, пришли, эээ... Господин ходящий, – староста не привык называть кого бы там ни было господином и явно чувствовал себя не в своей тарелке, обращаясь ко мне. Это было даже немного забавно, огромный медведеподобный мужик старался подбирать непривычные ему слова, чтобы говорить так, как я привык слышать по его мнению. И, получалось у него не слишком хорошо. Но следует отдать должное, староста из кожи вон лез, лишь бы я не прошёл мимо и взялся за дело.

Знал ли он, что я бы в любом случае всё проверил? Даже если бы местные попытались меня спровадить куда подальше. Вампиров сейчас стало намного меньше. В особенности в Ирритии. Мы вычистили почти всё. Наверное, именно поэтому люди теряли осторожность. И даже выходили на улицу ночами, не сильно остерегаясь существ Бездны.

Я втянул воздух наполненный влагой и сыростью после дождя. Мы подошли к самому краю деревни. Одинокая изба на отшибе, небольшой амбар, заброшенный колодец, а дальше только поля до самого, видневшегося почти на границе горизонта, леса.

Недалеко от избы расположилась парочка стражников в цветах гвардии Ирлина, столицы нашего славного королевства.

– Откуда здесь разъезд? – обратился я к старосте, изгибая правую бровь. – Городские формирования изъявили милость?

– Так это, как его. Указ его величества. На дорогах же, душегубы окающие орудуют, честной люд обируют, злодеи ненавистные. Пришла вот бумага, – староста махнул рукой куда-то в сторону деревни. – В целях соблюдения порядка в каждом населённом пункте будет расположен отряд гвардии Ирлина Оказывать всякое содействие. Вот.

Староста помолчал некоторое время, обдумывая что-то, а затем добавил:

– Да только толку-то мало, господин ходящий. Ворьё оно ж, на дорогах разбоем занимается, а эти, – взмах огромной руки теперь был обращён в сторону стражников, – всё в деревне сидят.

Мы подошли к гвардейцам ближе и я, наконец, смог увидеть их лица. Первый был молодой. Лет двадцати от роду, светлые волосы, нос с горбинкой и чуть прищуренные от солнца глаза. Второй, повидавший на своём веку лет эдак с пятьдесят, сидел, привалившись спиной к стене, и жевал травинку. Шрам от чьего-то клинка на пол лица, подозрительный, наученный долгой жизнью взгляд. Стражник оглядел меня с ног до головы. После чего, видимо сделав вывод, что я парень неплохой, встал и протянул руку.

– Я Ланс. Это Гранс. – вояка указал на молодого парня.

Я усмехнулся, называть настоящие имена он явно не спешил. У многих ходящие по теням вызывают подозрение. Кто-то думает, что мы черпаем силу из Бездны, кто-то считает, что мы

несём в мир зло и ничуть не лучше, вампиров, на которых охотимся. В общем: в некоторых местах можно получить и нож в спину, если потерять бдительность. Я невольно повёл плечом, вспоминая о давнем шраме и кузнеце, что его оставил. Хорошо, что в других местах, наоборот, тебя примут с распростёртыми объятиями. Плохо, что никогда наперёд не знаешь, как всё сложится. Ходящие управляют тенями, ходят по ним, а для многих тень и тьма – это одно и то же. Почему-то люди часто забывают, что тень никогда не появится там, где нет ни капли света.

На этот раз мне повезло. Местные в деревеньке не ненавидели ходящих, а относились с уважением. И это несмотря на то, что она граничила с Ровалией, где нас на дух не переносили.

Старый стражник просто не доверял, видимо думая, что не стоит называть своё имя тому, кто водится с тенями. Но это было всяко лучше, чем постоянно ждать удара со спины.

– Кристиан, – сказал я, разглядывая стражника, мне, в отличие от них, скрывать было нечего. – Ну, так что, где лежат тела убитых?

Староста направился к раскидистой яблоне, окружённой кустарниками, недалеко от избы. Два неподвижных тела я увидел почти сразу, как и рваные раны, нанесённые словно когтистой лапой.

Я смотрел на землю, внимательно изучая следы. Они были едва заметны даже мне, чего уж говорить об обычных людях. Двое стражников вместе со старостой деревни недоуменно озирались по сторонам, пытаясь понять, что же я здесь нашёл. Их взгляды перескакивали с одного предмета на другой, но они не могли увидеть того, что им не дано. Я же наклонился, провёл рукой по все ещё мокрой истоптанной множеством ног траве и едва слышно выругался сквозь зубы, когда голову заполнили образы, мысли, желания, страхи.

Ходящие могут чувствовать тени воспоминаний, если они вызваны вампиром. Эхо того, что было. Не все. Для многих из нас это искусство недоступно. Оно так и остаётся неразвитым. Но для того, чтобы определить хотя бы примерное направление хватает.

Я поднялся, сощутив глаза, посмотрел на солнце, перевёл взгляд на стражников, ожидающих моего вердикта, и сказал им то, что увидел:

– Здесь был вампир. Совсем недавно.

– Только вампир? Почему он их убил? – тот, что звался Лансом, весь подтянулся, когда услышал про вампира.

Будь на моём месте Диан – он ответил бы что-нибудь короткое и насмешливое, чтобы показать, что вопрос, как минимум глуп. Зачем волк загрыз зайца? Или орёл сбросил с небес черепаху? Калья бы с достоинством и величием ледяной королевы холодно сказала, что ради убийства. Надменная Розалия, скорее всего, не удостоила бы вопрошающего даже взглядом. А вот Даидир, вторая ходящая родом из Шентара, подняла бы наполненные печалью глаза, в которых отразилась бы вся боль и сожаление от произошедшего и произнесла бы что-нибудь тёплое.

Я же просто сказал:

– Я вижу лишь образы, отголоски желаний, отрывки мыслей. Я не волшебник. Если хотите увидеть, что здесь произошло, то вам нужно в Ирлин.

Один из стражников поморщился, когда речь зашла о волшебниках. Как ни странно их любят далеко не все.

– Что будем делать, господин ходящий? А ежели ещё кого убьёт? – староста мял в руках какую-то деревяшку, которую подобрал по дороге.

– Мы – ничего. А я прогуляюсь, если вы не против.

Только я сделал шаг в сторону, как из-за избы выбежала женщина в платке и бросилась к старосте:

– Хельга пропала, – запричитала она, тяня старосту за руку. – Везде обыскались, все дворы оббегали, нет её нигде. Ох, плохо у меня на душе, Йон, кабы не случилось чего.

Значит старосту зовут Йон, чтож, интересно. Так я и имена стражников скоро узнаю, да отдам их Бездне на вечное пользование.

Староста повернулся ко мне и просительным голосом проговорил:

– Помоги, ходящий. Дочь пропала. Не пройди мимо. – Его лицо словно окаменело. Он держался, не показывая свой страх, но я прекрасно его чувствовал.

Я тяжело вздохнул. В голове уже сложились возможные варианты событий. Она могла, как просто заиграться с подругами, так и лежать сейчас мёртвой в какой-нибудь канаве, без капли крови с разорванной шеей. И второй вариант, к несчастью родителей, был наиболее вероятен.

– Хорошо, где её видели в последний раз?

Дождь не шёл уже целую ночь и утро, так что след не будет исчезать так быстро, как раньше. Стоило сходить и проверить, что случилось с дочкой старосты. Тем более, что время у меня было.

Жена деревенского главы с надеждой посмотрела в мои глаза, затем на вышивку в виде размытой человеческой тени на плаще:

– Так дома вчера вечером, спать уложила, а утром-то, покамись, проснулась обед стоговила, смотрю, нет Хельги. Пропалаааа, – на последнем слове голос жены старосты сорвался и она зарыдала во весь голос.

Я перевел взгляд на Йона:

– Показывайте, где ваш дом.

Староста кивнул и, держа за руку свою причитающую жену, направился куда-то вглубь деревни. Я последовал за ними, кинув напоследок стражникам:

– Этих похоронить. Языками зря не трепать.

Тот, что постарше кивнул:

– Как сказали, так и сделаем, мастер теней. Вы уж не волнуйтесь.

Мастер теней... Я поморщился. Отчего-то обычный люд считал, что это уважительное обращение к ходящим. А на деле же, до высшего ранга мне было ещё далеко. Не хватает Силы, впрочем, как и опыта. И мастерства.

Дом старосты оказался красивой срубной постройкой с красными петухами на ставнях. Двускатная крыша с продольным брусом посередине. Добротное сработанное крыльцо, массивная дубовая дверь. Было видно, что к строительству дома подошли с душой.

Уже, практически поднявшись на крыльцо, я замер, когда голова взорвалась от нахлынувших чужих чувств. Вампир был здесь. Всего несколько часов назад. Я ощущал чей-то страх, боль. Готов был биться об заклад, что услышал детский крик, но ни староста, ни его жена и ухом не повели. Так что мне оставалось только довериться своим ощущениям.

Йон открыл дверь своего жилища, приглашая войти в сени, но я покачал головой:

– Дальше идти без надобности, всё, что было надо, я уже увидел.

Жена старосты непонятливо посмотрела на меня, видимо, пытаясь понять, что же такого я мог увидеть, едва только подойдя к дому.

– Я приду до захода солнца и расскажу, что случилось с вашей дочерью.

Жена Йона заплакала навзрыд, слёзы градом покатились по её лицу, она попыталась броситься ко мне, но муж крепкой рукой схватил её за локоть, не пуская.

Я, больше не обращая внимания на людей, закрыл глаза, стараясь уловить всё. Ночь, тишина, волна тревожности. Так всегда случается, когда поблизости ошивается кто-либо из кровососущего племени. Поначалу, обычно, всегда тихо и тревожно, а вот потом, как правило, начинается представление, и большей частью оно проходит в кроваво-красных тонах.

Я открыл глаза и, сощурившись, взглянул на солнце. Значит, вампир пришел ночью. Забрал с собой девчушку, а затем отправился на злополучную окраину, где оставил два изуве-

ченных тела. И, судя по тому, что я там почувствовал, девчонку он не убивал. А значит осталось только одно. Скорее всего, он решил обратить её.

Я выругался сквозь зубы. Только этого для полного счастья мне ещё и не хватало. Вампиры – кровожадные твари, но, кажется, это я уже говорил. Что же, окупёмся в историю.

Нечеловечески быстрые и сильные существа. Пробивают ударом грудную клетку человека насквозь и при этом особо не напрягаются. Солнечный свет, вопреки поверьям, навредить может далеко не всем. Всё зависит от того, насколько долго прожил вампир. И если его возраст переваливает за пару другую сотню лет, то солнце не обращает их в пепел, а просто немного ослабляет. Но обычный люд, естественно, разницы не замечает. Какая разница, насколько один огромный медведь меньше другого, если человека и тот и другой могут убить одним взмахом когтистой лапы.

Ну, так вот, о чём это я. Если вампир проживает достаточно долгий срок, то в какой-то определённый момент он может выходить на солнце, не боясь быть сожжённым, вот только вся загвоздка в том, что они сами не знают, когда выходить можно, а когда ещё нельзя. В истории зафиксировано несколько случаев, когда клыкастая образина переоценила свои возможности и приказала долго жить, чему я, естественно, был несомненно рад.

Дожив до определённого возраста, вампиры становились высшими и, по сути, превращались в живые машины для убийства. А я уже говорил про магию? Если только-только обращённые вампиры, кроме махания руками, как правило, ничего не могут, то те, кому повезло прожить определённый срок, начинают обретать некие способности и соответственно оттачивать их. В общем, думаю, общая суть понятна: чем дольше живёшь, тем сильнее становишься. И вся загвоздка состояла в том, что я не знал насколько долго жил этот вампир. Практика показала, что с теми кровососами, которым перевалило лет за сто, мои шансы составляли примерно пятьдесят на пятьдесят. И нарваться на слишком долгоживущего парня я хотел меньше всего.

Я опустил на одно колено и приложил руку к земле, усиливая связь с окружающими отголосками. След явно вёл в сторону избы на отшибе деревни. Я встал и направился туда, следовало как можно скорее найти, куда отправился вампир после своего зверства.

До избы я не дошёл шагов пятьсот. Воздух в округе наполнился болью. Я повёл рукой, сплетая несложный узор, приложил ладонь к земле. И замер, прислушиваясь к теням со всей деревни. Сейчас они были моими ушами. Пьющими запасы моей силы ушами. Слишком много теней. Оставалось надеяться, что справлюсь я быстро.

В голове раздался чей-то крик, затем ещё один, и ещё. Я в очередной раз за день выругался. Большое скопление народа. Где-то в центре. Не надо было быть большим умником, чтобы догадаться, где сейчас находился вампир. Медлить больше было нельзя.

Я закусил губу, уже представляя своё состояние через несколько секунд, но другого выхода не было. Сейчас или никогда.

Найти взглядом тень и сделать шаг. Что может быть проще?

В лицо ледяным порывом ударил поток ветра. В ушах раздался шёпот тысячи голосов. Мир утратил свои краски. Стал серым. И холодным. Прошла всего секунда, я ещё ничего не ощущал. Но так всегда. Стоит только задержаться чуть дольше, чем следует и обратно можно уже не выйти.

Я сделал шаг. За ним еще один. На третьем шаге я вывалился с Изнанки уже у постоянного двора. Воздуха не хватало, ноги подкашивались, а голова раскалывалась, словно по ней всю ночь вышагивали маленькие и проказливые волшебные духи Илирии. Но нужно было идти. Нужно было остановить то, что происходило.

Из постоянного двора раздавались крики. Ужас, страдание, безысходность – вот, что слышалось в них. Я, спотыкаясь, побежал к входной двери, на ходу создавая плетения. И, как бы ни было печально это осознавать, но силы на то, чтобы призвать стража, мне не хватало

Внутри я ворвался уже окружённый сферой Ринтрела, а над правым плечом парила птица теней.

Четыре. Семь. Девять тел, распростёртых на полу в самых разных позах. В одном из них я узнал хозяина постоянного двора. Рядом с ним навсегда замерла давешняя служанка.

Вампир стоял за стойкой бара, размазывая кровь по своему лицу. На меня он посмотрел полностью отрешёнными глазами. Клыкастая тварь, по всей вероятности, полностью слетела с катушек и убивала просто так. Калья рассказывала о таком. Некоторые из них при виде крови впадают в состояние эйфории, как от наркотика и просто не могут остановиться.

Прошла доля секунды не больше, а моя сфера Ринтрела пошла кругами, когда образина в мгновение ока оказалась рядом и наотмашь ударила по ней когтистой рукой. После второго удара сфера разлетелась вдребезги. А я нашёл взглядом тень и сделал, как учила меня Калья. Взглянул на мир сквозь Изнанку.

Мир снова потерял свои краски, окрасился в серые тона. Но зато теперь я мог уловить движения спятившей твари. Даже сейчас я едва успевал за ним. И если бы не отточенные тысячами повторений рисунки плетений, вампир убил бы меня, как обычного человека. Быстро и легко.

Изнанка пила меня. Забирала остатки силы. Хотя сейчас я и просто смотрел сквозь неё, а не находился за гранью. Сила покидала меня, а отсюда следовал только один вывод – затягивать бой было нельзя. Упившийся кровью вампир сейчас находился на пике, в то время, как я, только вышедший с Изнанки, расходовал последние резервы.

Птица теней с клёкотом налетала на вампира, но тот только отмахивался от неё, каждый раз оказываясь быстрее.

– Зачем ты делаешь это? – Крикнул я, просто надеясь хоть немного отвлечь его. Хотя понимал – бесполезно. Вампир спятил от крови и мнимого могущества. Он мог понемногу кусать людей, забирая часть их крови. Никого не убивать. И тогда, возможно, я бы даже не узнал про него. Но вместо этого он второй раз за несколько дней устроил резню, чем и привлёк к себе внимание.

Размытая образина налетела на меня, словно огромный валун скатившийся с горы. Я едва успел сплести выпуклый щит. Но это мало помогло. Ударом меня отбросило в стену. Левая рука повисла плетью и стала бесполезной. Встать я уже не успевал.

Птица теней, увеличившись в размерах почти в три раза, влетела между нами, задерживая вампира. Расправила крылья, закрывая меня.

Я знал, что она ничем уже не поможет.

Только даст время.

Секунду или две.

Лихорадочно шевеля пальцами правой руки, я сплёл Зеркало тьмы, стягивая к себе все тени, что были поблизости. Забрал последние клочки из птицы, полностью развеивая её.

Как раз в то мгновение, когда страшные, все в крови, когти уже почти ударили по мне. Тёмная завеса перед лицом рассыпалась, когда вампир попал по ней.

Чёрная с фиолетовыми отливами когтистая лапа, точно такая же, как и у вампира, только сплетённая из теней, ударила его в ответ. Грудная клетка окровавленной образины разорвалась от страшного удара. Не медля ни секунды, я сплёл копьё и насквозь пронзил им вампира, пригвождая к деревянному полу.

В глазах плясали чёрные круги, а ноги подкашивались. Ещё одно плетение и я упаду рядом. Левая рука, видимо, сломана. Спина превратилась в один большой источник боли. На шатающихся ногах я направился к стойке.

Молоко или вино прекрасно восстанавливали силы ходящих, особенно, когда мы работали на пределе. Зелёная бутылка лиартского нашлась довольно легко. Я, не церемонясь, отбил горлышко у бутылки и опустошил ее наполовину. Горячее тепло разлилось по всему телу,

почти мгновенно опьяняя. Сильно пошатываясь, я тяжело привалился к стене и закрыл глаза, блаженно улыбаясь.

Вампир перестал дёргаться и в зале, наконец, стало тихо. Глаза нестерпимо болели, стоило попытаться посмотреть хоть немного в сторону, все тело ломило. Но зато было тихо. Очень тихо.

Не знаю, сколько я там просидел, но когда заскрипела, входная дверь – пришлось открыть глаза и поприветствовать пришедших чуть приподнятой рукой с бутылкой.

Йон сидел за столом напротив меня. Его жена стряпала ужин. Я держал в правой руке огромную кружку с молоком, неторопливо попивая, чувствуя, как с каждым глотком перестаёт болеть голова. Левая рука покоилась на повязке.

Девочку нашли дома спящей, как раз когда я не стал заходить к старосте, а отправился вместо этого по следу. Жену Йона, Бритту словно подменили. Если утром на ней лица не было, то теперь она парила над землёй. Староста тоже выглядел умиротворённым. Ещё бы, вампир мёртв, опасности больше нет. Единственное – это двенадцать тел, которые он оставил после себя. Местные собрались и до вечера похоронили всех, кому не повезло оказаться в тот недобрый час на постоялом дворе. Я же сидел и пил, наверное, уже четвертую кружку молока, восстанавливая силы.

Но что-то не давало мне покоя. Вампир был здесь. Я знал это, чувствовал. И Хельга, которая пропала на целый день, а потом внезапно нашлась дома, спящая. Как-то все слишком хорошо складывалось.

Я поднял взгляд на старосту и обратился к нему:

– Мне нужно посмотреть на девочку.

Йон после моих слов нахмурился, но спорить не стал. Молча, кивнул и отправился в соседнюю комнату за дочерью. А вот его жена, едва только слышав мои слова, кинулась вслед за мужем с встревоженным лицом.

Прошло несколько минут. Я допил молоко и с глухим стуком поставил кружку на стол.

Всё не могло так хорошо закончиться. Некоторые доставляют проблемы даже после смерти. Наконец Бритта вышла из комнаты, ведя дочку, за ними показался Йон. Я взглянул на девчущку, непроизвольно отмечая, что лицо слишком бледное. Одета она была в свитер с высоким воротником и шерстяную юбку до щиколоток.

Я встал с лавки и, не обращая внимания на поменявшуюся в лице Бритту, одёрнул воротник свитера.

Одёрнул и выругался. Четыре маленькие ранки. Едва видные маленькие ранки. Которые только что решили все.

– Боюсь, что у меня плохие новости. Слишком плохие.

Лицо старосты было мрачнее тучи. Он, судя по всему, уже всё понял.

– Вампир обратил Хельгу. Точнее запустил процесс. Через несколько дней она станет такой же, как он. И сейчас я говорю не о том, что у неё вырастут клыки. Дело в том, что обращенные почти в точности приобретают все качества своих... – я замолчал не зная, как назвать вампира, обратившего Хельгу. Слово родитель тут точно не подходило. Не в этой ситуации. – Я видел его, он был безумен. И жесток. Чересчур сильно, даже для них.

Бритта выскочила вперед, отталкивая меня от дочери. В её глазах плескался ужас.

Резкая боль. Жена старосты задела сломанную руку.

Я сидел на берегу реки, прижавшись спиной к стволу ивы. Сидел и вспоминал слова Кальи, сказанные ей как-то во время нашего очередного жаркого спора. Тогда я не придавал им значения, а теперь...

«Простых решений не бывает, Кристиан! Рано или поздно тебе придётся делать выбор и не факт, что он тебе понравится»

Я кинул в реку один из камней, что подобрал у самой воды. Он с плеском ушёл на дно, оставив после себя расширяющиеся круги и кучу мелких брызг.

Значит, придётся делать выбор?!

Я кинул очередной камень в воду.

И заплакал.

«Извини» – это слово, которое я сказал маленькой девочке, прежде чем...

Просто, прежде чем.

– Будь ты проклят, ходящий, – это Бритта, в ее голосе бессильная ярость.

– Уходи, – а это Йон. В его глазах лишь пустота, а голос уставший и безразличный. Он все понимал, но не мог смириться.

Я сидел и обдумывал то, что случилось прошлой ночью. Вампир перебил уйму народа, но самую гадость оставил напоследок. Поставил меня перед выбором: убить маленькую девочку или рискнуть жизнями еще десятка людей. И, в конце концов, всё равно убить её, но уже после того, как она окончательно превратится в чудовище, которым движет только одно. Жажда крови.

Я сделал выбор. Стал чудовищем для её родителей. А теперь сидел и бросал камни в воду, наблюдая за кругами на воде, которые они оставляют.

В голове всплыл один из трактатов Ринтрела, великого ходящего прошлого, жившего несколько тысяч лет назад. У него была точно такая же проблема с хождением по миру теней, как и у меня. И раньше, читая его слова я думал, что он имеет ввиду Изнанку, но теперь они предстали передо мной в новом свете.

«Переступить черту всегда тяжело. Мы меняемся, когда делаем выбор. Когда переступаем через себя. Нравится нам это или нет».

Я рукавом стёр с лица слёзы.

Бросил в воду очередной камень.

И посмотрел, как расходятся круги по воде.

История третья. По Изнанке мира

Никогда не любил вихрь. Второй месяц осени всегда приносил с собой холод, увядание и смерть. Как и сейчас...

Страх. Стрдание. Боль. Обрывки криков. Жизни, что отняли совсем недавно.

Я убрал руку от земли, разрывая плетение. Поднялся. Посмотрел на распростёртое передо мной тело.

Мужчину убили совсем недалеко от деревни. И не более часа назад. Разорван в клочья. С какой-то особой жестокостью. Я бы даже сказал ненормальной.

В голове всплыла картинка разрушенной таверны. Лежащие везде тела... Прошло уже больше года с того случая. Но мне это время далось тяжело.

Не каждый день приходится убивать детей, знаете ли. Становиться теми самыми страшными слухами и молвой, что рассказывают о ходящих ночами.

Тогда проклятая тварь не оставила выбора. Всё сделала за меня. Мне осталось только совершить неизбежное.

И корить себя за это.

Я ещё раз оглядел мужчину. Точнее то, что от него осталось. Посмотрел на забор. На нём висела нога. В трёх метрах от тела.

Это точно были не дикие звери.

В деревне что-то происходило. Валил дым.

И у меня уже было несколько мыслей на этот счёт. Совсем нехороших.

Страж безмолвно вырос за спиной. Перед глазами заструились дымные очертания щита. Тени тянулись ко мне, заключая в кокон.

Я быстрым шагом шёл по дороге. Деревня, приближаясь, вырастала тёмными скатами крыш, мельницей, колокольной башней. И с каждым шагом тревога становилась сильнее.

Конечно, можно было бы пройти сквозь тени, выйти с Изнанки прямо посреди селения. Но неизвестно, сколько там вампиров. Мне, вполне, хватило прошлого раза и чудо, что я всё ещё жив, а не закопан в землю, вместе с теми несчастными, до которых добрался обезумевший вампир в тот день.

Я шёл по небольшой улочке и ощущал разлитый по земле страх.

Большой, огромный, косматый волкодав скулил и пытался спрятаться под сломанной телегой. Ещё две собаки поменьше, жались к земле и дрожали всем телом. И если бы не цепи, я был уверен, лапы четвероногих уже оказались бы в соседнем лесу.

У колокольной башни слышался шум.

Я потянулся к дару. Взглянул на мир через Изнанку. Коснулся земли, слушая тени. И сразу разорвал плетение.

Слишком много боли.

Я успел различить оттенки: физическая от полученных ран, тупая и давящая от понимания неминуемой смерти, ноющая и тоскливая от ощущения, что из тебя будто вытягивают душу, заглушенный ужас от вынужденности наблюдать, как кого-то убивают на твоих глазах.

Вампиры, особенно те, что посильнее, могли подчинять своей воле. Им доставляло особое наслаждение заставлять беспомощную жертву смотреть на чужую смерть. Чтобы ты видел - что тебя ждёт.

В эти моменты сознание замутняется, эмоции проявляются не так ярко, словно под дурманом. Но тебя держат на месте, не позволяя уйти. Вынуждают смотреть.

Среди всей этой заглушённой и безвольной апатии я уловил чью-то громкую горечь потери. Стрдание от несправедливости и отчаяния перемешанное с болью от сильных увечий.

Словно протяжный крик в тишине ночи.

Я вышел на площадь, расположенную под колокольной башней. Сюда, видимо, согнали всю деревню. И тут же убили половину.

Крестьяне, те, что остались живы, окровавленные, стояли через одного рядом с мёртвыми разорванными телами.

Горел костёр.

Я увидел, как четверо человек безвольно несут пятого, живого. Его сознание было нетронуто.

Наверное, от того он и вопил во всю глотку:

– Мариш! Младек! Что же вы делаете?! Отпустите! Слышите?! Отпустите!

Крестьянин весь трепыхался, пытался освободиться, остервенело крутил головой, заглядывал в бездушные, пустые глаза.

– Вацлав! Скажи им! Пожалуйста! Это же я!

Его голос срывался на лающий крик.

До костра его не донесли.

Я потянулся к дару. Из земли выросли дымчатые цепи, сковывая околдованных людей.

Ко мне метнулось размытое пятно. Даже сейчас, смотря на мир сквозь Изнанку, я видел лишь очертания.

Но стражу за моей спиной это было безразлично. Он сделал шаг, исчезая. Появился уже передо мной, с чёрной косой в руке. Вампир так и не понял, что произошло. Просто упал расчлённый пополам оружием из теней. Остался лишь чёрный след от росчерка косы, постепенно исчезающий в воздухе.

Я огляделся. Сколоченный неподалёку от костра помост, виселица. На ней покачивалось чьё-то тело. Лицо синее, штаны мокрые. Рядом, стоял вампир, на лице маска безумия и спеси. И совсем близко около него, привязанная к столбу, сложила голову на грудь девушка. Я различил рыдания и всхлипывания. Одежда разорвана, волосы похожи на разорённое птичье гнездо, ноги подкосились.

Только верёвки удерживали её в стоячем положении. Но самое главное – остатки чёрного плаща, с орнаментом из белых ниток.

В этом изувеченном и сломанном теле я узнал Марию. Ходящая закончила обучение лет на десять раньше меня.

Давно я её не видел.

– Пришёл на запахи смерти? – шипящие, как у змеи звуки, множились и повторялись эхом.

Я перевёл взгляд от девушки на стоящего между ней и висющим, покачивающимся телом, вампира.

Высший, вне самого сомнения.

Чуть в стороне, за помостом их было больше. Три, четыре, семь вампиров. И ещё – двое из них, высшие.

– Убьём тебя. Засставим сострадать!

Судя по всему, на смерть одного из них, им было наплевать. Впрочем, неудивительно. У всех в глазах царило какое-то помешательство. Вызванное многочисленными смертями или чем-то другим.

И если высшие вампиры ещё как-то держались, то их более молодые собратья полностью погрузились в пучину безумия.

Метку Алантры на руке обожгло холодом. Меня попытались прочитать.

С руки одного из высших сорвался туман. Я предоставил стражу разбираться с вампирами, а сам сплёл сферу Ринтрела. Только она была хоть как-то эффективна против высших. Дымный щит начал исчезать, тая тёмными истончающимися полосками. Отчего-то закли-

ние, названное в честь одного из величайших ходящих прошлого, не терпело других защитных плетений.

Туман долетел до меня. И если бы не потемневшая в местах соприкосновения сфера, я бы остался без кожи.

Всё пришло в движение.

Страж исчезал из мира, появлялся за спиной жертвы и коротким росчерком чёрной косы прекращал её существование. Жаль только, что против высших вампиров он не представлял особой угрозы.

Я махнул рукой вперёд и вверх, превращая лежащие передо мной тени в острые наконечники из обсидиана. Один из высших замешкался и они рассекли половину его тела. К сожалению не убили. Остановили на время.

Сфера Ринтрела взвыла хрустальным звоном, треснула осколками, рассыпаясь.

Высшие били серой хмарью.

Страж успел убить трёх клыкастых тварей, пока его не развоплотили. Он угодил в туманную ловушку. Стал обездвижен, а потом туман съел его.

Вокруг умирали люди. Теряя кожу, заживо превращаясь в изъеденные куски мяса. Кто-то поминал Сиаранта, другие просили пощады у Калатрис. Вопили во все глотки, умирая в страданиях. Но богам не было дела до того, что творилось на земле.

Я взглянул на Марью. Соткал в руке тёмный клинок.

Со всеми я не справлюсь. Про деревню можно забыть.

Серое марево быстрым облаком летело ко мне. Сзади вампир занёс руку с огромными и страшными когтями. Сейчас я замечал всё.

За спиной соткались густые тени, спасая меня от удара.

Я шагнул через Изнанку. За одно движение преодолев расстояние в тридцать шагов. Взмахнул тёмным клинком, который уже развеивался, и перерезал верёвки.

Изнанка успела выпить большую часть моей силы. Меня шатало.

Призрачные стрелы одна за другой летели над помостом. Прямо в нас. Девушка скулила от боли.

Я не мог шагнуть. Силы на нас двоих не хватало. Да и на меня одного тоже...

Ничего другого не оставалось.

Одной рукой я прижал Марью к себе, другой сплёл рисунок, подсмотренный в одной из книг, что нашёл в библиотеке Калы. Пропустил силу через тёмный развод на левой руке. Как раз вовремя. Вместо деревянного настила под нами оказалась чёрная лужа в которую мы тут же и провалились. Над головой пролетело полупрозрачное древко. Затем ещё. И ещё. Пока Изнанка не сомкнулась над нами.

Ледяной ветер. Шёпот тысячи голосов. Тёмный мир проносился мимо. Мы падали.

Я лежал на пожухлой траве. Было холодно. По губам что-то текло. Голова раскалывалась от боли. Рядом плакала Марья. Я провёл рукой по лицу. Кровь. Кожа вся иссохла и стянулась. В следующий раз пройти через Изнанку получится только дней через пять. Она выпила меня досуха.

Так мы и лежали. Я смотрел вверх. А Марья прижималась ко мне и неумолкая плакала. В небе горели звёзды. Слышался шум реки.

Марья была немного старше меня и закончила обучение в Сумеречных сводах на десять лет раньше.

Я помню, как она обнимала меня тёплыми руками, утешая, когда я горевал по убитой матери.

В основном, её обучал Диан. Уроженка Илирии. Красивый прямой нос, чёрные, как и у почти всех ходящих, глаза с густыми ресницами, широкие брови, высокие скулы и полные губы. По крайней мере я помнил её именно такой. Сейчас же...

– Зачем ты пришёл? Почему не позволил убить?

Голос Марьи был глухим. Я чувствовал, что она сломана. Но всё же, решил прояснить некоторые моменты:

– Что там произошло? Почему их было так много?

Ходящая убрала от меня руки. Перевернулась на спину. И после долгого молчания спросила:

– Как ты это сделал?

Я устало вздохнул, похоже, что разговор у нас не получался.

– Что именно?

– Ты знаешь, Гиль.

Я дёрнулся. Давно меня так не называли.

– Я устал, Марья. Давай начнём сначала. – Слова давались мне тяжело. Горло пересохло и от каждой попытки заговорить, хотелось кашлять.

– Я не знаю, что там произошло. Мы просто пришли узнать всё ли хорошо, сидели в таверне, а потом... – Ученица Диана опять начала плакать.

– Мы?

Когда Марья, наконец, успокоилась. Тихим, постоянно прерывающимся голосом она сказала, что они с учеником проходили мимо Стежков с обычной проверкой. Остановились на ужин. Всё было хорошо. Пока одна из служанок не воткнула ей в руку вилку. Затем её отрезали от дара и оглушили. А когда она очнулась, то прямо перед ней с Ровина (так звали её ученика) сорвали плащ, рубашку, раздробили руки, привязали верёвку на шею и подвесили перед всей деревней. В назидание остальным ходящим.

– Один из вампиров захватил сознание служанки. Заставил её напасть, отвлечь внимание. Затем они согнали всю деревню. И ничего не делали. Просто смотрели. Не вмешивались. Питались эмоциями.

Я кричала, умоляла их остановиться. Но они только смеялись. Не слушали. Они были... Они ненавидели нас.

Я слушал Марью и моё сердце замирало. Самое страшное, что всё это сделали не вампиры. Люди. Им просто немного помогли. Выпустили внутреннюю ненависть наружу.

– Почему они так сделали? За что? – Девушка, словно ища защиты, снова прижалась ко мне, всхлипывая.

– Не для всех мы несём спасение, Марья. – Я, сам того не желая, заговорил словами Кальи, прижал ходящую к себе, баюкая. – Некоторые люди считают нас ничем не лучше вампиров или колдунов. Мне жаль, что так произошло.

Марья крепче сжала меня, благодаря.

– Надо полагать, что после, вампиры решили устроить пир? Когда я пришёл – там творилось Бездна знает, что.

– Да. – Девушка не стала больше ничего объяснять. Просто лежала рядом.

Мы надолго замолчали.

Мне не спалось. Я всё думал об устройстве людской души. Голова болела. Стоило только отвести взгляд в сторону, как виски тут же начинало ломить. Как назло ни молока ни вина с собой не оказалось. А они очень хорошо помогали восстанавливать силы после хождения по Изнанке.

Марью, к счастью, не сильно покалечили. Если не считать разорванной одежды, проткнутой руки, разодранных волос и большого количества синяков. Девушка спала. Но её сон был неспокоен.

Я, в полудрёме, лежал, смотря на звёзды. Забывался на пару минут и снова открывал глаза, когда очередная вспышка боли пронзала голову.

Изнанка не любит, когда я по ней хожу. В отличие, от других ходящих, мне трудно даётся нахождение по ту сторону.

А всё из-за тёмного развода на тыльной стороне ладони.

Метка Алантры.

Калья говорит, что я отмечен одной из тех, кто следит за равновесием нашего мира. Этот знак на левой руке защищает меня от прочтения, другими носителями дара. Даёт силу на использование таких плетений, которые не смогут соткать другие ходящие. Но при этом, стоит мне шагнуть через Изнанку, как на долгое время я оказываюсь почти беспомощен.

Забавная шутка.

Я на секунду закрыл глаза и провалился в глубины своей памяти, засыпая.

Мне снился тот день, когда я в полной мере узнал, как люди относятся к не таким, как они.

Я стою рядом с Кальей. Её взгляд ничего не выражает...

Покосившиеся избы, истоптанная земля, что-то засохшее и чёрное. И много камней. Тоже в чёрном и засохшем. Ими бросались. Совсем недавно.

Я немного перевёл взгляд.

И замер. Запоминая.

Перед нами лежало поломанное тело ребёнка. Деревня, одна из немногих близ Эрильских гор.

Здесь редко можно увидеть кого-то чужого. Лишь иногда странники случайно забредают сюда. Да гонцы проезжают свой путь, разнося и собирая новости.

Староста стоял, опустив голову вниз. Он весь сжался. Был испуган. Остальные жители попрятались по домам и носа не показывали.

Девочка, лет десяти. Забита до смерти односельчанами.

Мы не успели.

Гонец, принёс новость о том, что в Бжерницах есть ребёнок, управляющая тенями. Но пока он доехал до Вызирты, пока нашёл ходящих. Прошёл почти месяц.

За это время отца девчушки скосила болезнь и он отдал свою душу Сиаранту. Матери не стало много раньше.

А ходящих не особо любили в Ровалии и Эрильском княжестве. В лучшем случае, поминали плохим словом, да зло смотрели вслед. Но это в больших городах. В деревнях же, нас считали ничем не лучше вампиров. Ещё бы, мы же якшаемся с тенями! Служим Бездне! Ничего хорошего от ходящих ждать не стоит!

Дети впитывали это вместе с молоком матери и когда вырастали, лишь закрепляли эту ненависть.

И если ходящему, кроме злого взгляда, бояться нечего, то маленькому ребёнку, лишившемуся родителей, остаётся только уповать на милость богов. Но они, как правило, не любят вмешиваться в дела смертных.

– Ведьма! – Староста пытался оправдаться. – Насылала хворь, скоту не здоровилось, отца погубила. Кто же знал, хозяйка! Смиловатись! Кто же знал!

Я был, уверен – знала вся деревня. Да и он тоже.

Старый седой мужчина опустился на колени и бился головой об землю, вымаливая прощение.

Мне было противно. Калье тоже. Мы понимали, что он гнусно и бессовестно лгал. Пытался убедить нас, что они перепутали умение управлять тенями с проявлением ведьминского колдовства.

– Встань! И прекрати лгать!

Староста боязливо поднял взгляд, но с колен вставать не спешил.

– У неё братик остался, маленький. Заберите его.

– Покажи.

Я произнёс это, даже не успев подумать, что влезаю в разговор вместо Лин' Каэтрин.

Калья ожгла меня взглядом, но ничего не сказала. Староста же, был рад убраться с наших глаз хотя бы на пару минут.

Когда плачущего ребёнка принесли, она безразлично осмотрела его и протянула обратно. У него не было дара и он был ей неинтересен.

– О нём позаботятся. Уж будьте уверены. Вырастим, как своего! – Староста заглядывал нам в глаза своим сморщенным лицом, демонстрируя готовность свернуть целые горы, ради годовалого младенца.

Калья отвернулась от опротивившего ей старосты Бжерниц и направилась к ожидающей нас карете.

Мы ехали обратно в Вызирту. Я смотрел на извечно молодое и красивое лицо моей наставницы, высокую и сложную причёску, тёмные волосы. Благородные, с примесью древней крови черты. Угольно-черные глаза, соболиные брови.

Она казалась изваянием какой-нибудь забытой, но прекрасной богини.

– Прекрати пялиться на меня, как собака на кость! Займись делом! – Что-что, а в выражениях она никогда не стеснялась.

Я отвёл взгляд и начал смотреть на проносившиеся мимо деревья и поля.

– Почему мы не забрали ребёнка? Неужели ты поверила им?

– А зачем он нам сдался? – Калья ушла было в свои мысли, но видя, что я не отстану, снизошла до пояснения. – Мы ехали за девочкой с даром ходящей, а не за младенцем-неумехой.

– Но он же умрёт там. Кому он нужен? Лишний рот.

– Если вдруг в тебе проснулась чрезмерная жалость, можешь прямо сейчас отправляться на Север и от туда собирать всех обездоленных вплоть до Шентара! – Калья смотрела рассвирепевшей кошкой.

– Но это же ребёнок! Неужели тебе всё равно?

Лин'каэтрин смерила меня долгим, гневным взглядом. Когда она заговорила, её голос был сродни воздуху перед бурей. Ты видишь обманчивое спокойствие и тишину, но понимаешь, что через несколько секунд разразится гроза и ударит гром.

– Проживи с моё! Или хотя бы половину. И ты поймёшь, что тебе станет безразлично всё, кроме сохранения Сумеречных сводов! Я уже не помню королей, которым советовала и помогала править. Не помню их жён, детей. Не помню тех несчастных, кому не повезло оказаться пищей для вампира. Мне важно только одно – чтобы ходящие и дальше ходили по Саане и использовали магию теней, что подарила нам Алантра.

– Но жизнь челов... – Я попытался было вставить слово, но Калья проигнорировала.

– Это всё неважно. Этот ребёнок не имеет дара. И этим всё сказано! Ему не повезло. Мне жаль. Но не более! Знаешь, сколько таких детей без родителей умирает прямо сейчас? Десятки! – Калья посмотрела мне прямо в глаза. – Моя задача – сохранить знание! Как и твоя, Кристиан.

Я молчал. Иногда, смотря на невероятную красоту моей наставницы, я забывал, что она своими глазами видела Тёмную войну.

Больше по дороге до Вызирты мы не проронили ни слова. Калье не нравилось путешествовать в каретах.

Светало.

С тех пор, как мы вывалились с Изнанки прошло уже несколько часов. Марья проснулась. Я осмотрел её и констатировал:

– Хотелось бы сказать, что сон пошёл тебе на пользу. Но это не так. – Девушка и вправду выглядела ужасно. Под глазами залегли глубокие синяки, кожа была похожа на старую бумагу. Волосы разворошенные и тусклые, склеились от засохшей крови.

– Ты бы на себя посмотрел. – Чуть улыбнулась ходящая.

Но это была её единственная улыбка. С каждой минутой после пробуждения она всё больше мрачнела. Смотрела в пустоту. Слезы текли по её щекам, а плечи опускались. Покалеченная рука была прижата к груди.

– Неподалёку есть река. Нам нужно умыться. – Я стоял напротив Марьи, но она не реагировала. Смотрела сквозь меня. Витала во вчерашнем дне, не желая возвращаться. Пришлось взять её за руки и поднять. Она шла за мной, безвольная, словно кукла на цирковом представлении.

Надо сказать, что я сам ощущал себя не лучше. Голова кружилась, хотелось спать. Но нужно было разобраться, куда я нас перенёс.

Недалеко от реки была просёлочная дорога. Мы шли вперёд. Я отдал Марье свой плащ, взамен её порванного, сам остался в свитере. Девушка была на полголовы ниже меня, и к тому же всё больше смотрела себе под ноги, ссутулившись от тяжести произошедшего. В любое другое время я бы назвал её красивой.

Но не сейчас.

– Куда ты нас перенёс? – Голос Марьи вывел меня из задумчивости. Она в точности повторила мой вопрос, заданный самому себе.

– Не знаю. – Мне, и вправду, не было известно, где мы находимся. Я нарисовал это плетение впервые, скорее от безысходности, чем от холодного расчёта.

Дорога петляла между холмов и редких деревьев. Самые ранние птички уже выводили свои трели, приветствуя солнце. Горихвостки и жаворонки. Их пение сопровождало нас всю дорогу, что мы шли, поднимаясь на холмы и спускаясь в низины.

Пока после очередного подъёма, Марья не выругалась, смотря на раскинувшиеся перед нами баньяны.

– Лиарта, Гиль?! Как?! – Высокий голос Марьи выражал безмерное удивление.

Я сам был ошеломлён.

Баньяны росли только в Лиарте. Во всех других странах они не приживались. Величественные деревья с уникальной способностью разрастаться: их воздушные корни свисали с ветвей, укоренялись в земле и превращались в новые стволы, создавая ощущение целой рощи из одного растения. Внешне они выглядели, как переплетённый лабиринт из стволов и мощных воздушных корней, покрытый густой кроной из листьев.

– Кристиан! Мы были в Ровалии! Даже Калья не сможет пройти такое расстояние за один раз, тем более с кем-то! – Девушка остановилась, схватила меня за руку. – Как ты это сделал?

– Подсмотрел одно плетение в библиотеке Кальи. Пока она не увидела и не разозлилась.

– Что за плетение?

– У тебя не получится.

– Почему?

– Потому что оно завязано на этом! – Я вытянул левую руку, показывая метку Алантры.
– Это были записи Диара, если тебе интересно.

– Тогда неудивительно, что она разозлилась.

Диар тоже был ходящим с меткой Алантры. И так уж повелось, что пока был жив один из носителей метки, второго не появлялось. Я вот родился только спустя четыреста лет после смерти Диара.

И пока что не особо радовался этой отметине. Она скорее мешала, чем помогала. Иногда я чувствовал себя беззащитным, несмотря на возможность использовать более сильные плетения, я не мог долго прятаться в тенях, как другие.

– Я слышала, что когда Диар погиб, Калья лет десять не могла оправиться.

– Возможно, – коротко ответил я, не желая вдаваться в подробности. Мне неприятно было об этом говорить.

Марья, видя, что я не особо настроен на разговор, переменяла тему:

– Как, думаешь, далеко мы от Мариоссы?

– Не очень. Баньяны растут как раз у столицы. Так что, думаю, скоро мы её увидим. – Я не стал уточнять, что у столицы – значит около шести лиг. А это часов восемь или десять пути.

Солнце поднялось высоко в небо. Сильно хотелось есть. Мы шли уже несколько часов. И шли бы ещё столько же, если бы не увидели постоялый двор у дороги.

В Лиарте было мало селений, а между ними достаточно большое расстояние. Поэтому такие постоянные дворы, построенные, чтобы усталым путникам было где переночевать, встречались довольно часто. И были весьма кстати.

Внутри оказалось темно и пусто. Грузный, бородатый хозяин смерил нас подозрительным взглядом, а надо сказать, что выглядели мы так себе, и не думаю, что с раннего утра что-то изменилось. Но мой плащ надетый сейчас на Марью, говорил лучше всяких слов.

– Горячего молока, еды и ванную. – Голос девушки, несмотря на произошедшее был отточенным и стальным, когда она общалась с обычными людьми.

Молоко мы получили сразу. Тёплое, с мёдом. Хозяин трактира сам подогрел его в небольшой кастрюльке, добавил немного корицы.

– Из еды только рагу, не обессудьте. Народу у нас немного бывает.

Марья сидела напротив меня и смотрела в пустоту. Думала о случившемся. Раз за разом проживала боль и потерю. Я видел это по её лицу и дрожащим рукам, которыми она держала чашку прямо перед собой.

Сейчас я ничем не мог ей помочь. Время лечит всех нас. Но приходится ждать.

Спустя, примерно, десять минут, когда помощница хозяина постоянного двора ставила перед нами тарелки с горячей едой, входная дверь отворилась.

Внутрь зашёл человек, у него были длинные волосы, борода якорем, в одной руке он сжимал жезл с горящим огоньком в наверху. В нём без труда можно было узнать волшебника. Он окинул постоялый двор взглядом. Внимательно посмотрел на меня, изучил Марью. Затем изумлённо выгнул правую бровь.

– Господин де Гильер! Забери меня Бездна! Ты похож на покойника! И где твой плащ?! Я встал протягивая волшебнику руку:

– Марья, познакомься, Клементе де Альенд. Член ордена магов Лиарты.

Клементе усмехнулся, придвигая к нам стул.

– Вина! – Крикнул он, – темпранильо, позапрошлого года, если такое здесь водится!

Больше не обращая ни на что внимания, он уселся за стол и принялся изучать наши лица. Поморщился, стукнул жезлом об пол, зажигая за столом свечу.

– Что с вами произошло?! Неужели вампиры? Не слышал о них уже года четыре. – Волшебник, посмотрел мне в глаза и добавил. – Как раз, с тех самых пор, когда ты вытащил меня из той передраги.

Марья помрачнела. Говорить о том, что случилось она точно не желала. Поэтому ответил я.

– Пять лет, Клементе, не четыре. А что до нас – мы наткнулись на вампиров. Но не здесь.

– Слава Сиаранту! Или в вашем случае Алантре, – усмехнулся Лиартец. – Так где вас так потрепало? Не обижайтесь, но на похоронах люди выглядят лучше.

Мы с Клементе были старыми знакомыми. Можно даже сказать друзьями. Пять лет назад я спас ему жизнь. Встретил в лесу, когда он отбивался от двух вампиров. К счастью, не высших. Но для волшебника и обычных образин хватает с головой. Маги, конечно окружают себя стихийными щитами, через которые просто так не пробьёшься – попробуй сунуть руку в живой огонь или грозовое облако – но на поддержание такого щита тратится уйма силы. А достать движущегося в разы быстрее тебя вампира, просто не представляется возможным. Если, конечно, твою руку не направляет сам Сиарант.

Так что вампиры просто ждут, пока волшебник ослабнет, а потом расправляются с ним.

С тех самых пор, мы с Клементе и познакомились.

– Ровалия, Клементе. Там, в последнее время, творится, Бездна знает что. Они будто с ума посходили. Слетают с катушек, теряют осторожность. Собираются в стаи.

Волшебник поморщился.

– Плохо дело, если так. Но как вы оказались здесь?

– Лучше тебе не знать, друг мой. Чудо, что мы остались живы.

Клементе, пригубил вино, широко улыбнулся.

– Ходящие и их чудесный дар. Де Гильер, я говорил тебе, что ты самый везучий сукин сын, которого я встречал? Находишь неприятности везде, куда приходишь.

Я удивился. Клементе, на моей памяти, никогда не позволял себе таких выражений, наоборот всегда был учтив и вежлив, а порой и чрезмерно вежлив. Даже Марья, услышав это, улыбнулась. Она сидела над столом сжимая в руках кружку с тёплым молоком. Смотрела куда-то внутрь себя.

Я пригубил вина.

– К сожалению.

– Я еду в Ирлин. В карете хватит места для троих. Если хотите можем проехать часть пути вместе. Дальше уж, как-нибудь доберётесь до Сумеречных сводов. – Волшебник сделал долгий глоток, подержал вино во рту, ощущая вкус.

– Спасибо, Клементе, мы будем очень благодарны. Калье стоит знать, что начинает что-то происходить.

Я был рад проделать часть пути в карете. Иначе добираться до Сумеречных сводов мы будем очень долго. Сказать по правде, я не особо горел желанием, снова слушать наставительные речи и ловить холодные взгляды. Мы с Кальей слишком во многих вещах не сходились во мнениях. И та история с оставленным ребёнком до сих пор неприятно отзывалась во мне. Но в любом случае, ей стоило знать.

– Это прекрасно, но сначала нам нужно помыться. – Марья красноречиво посмотрела на меня и встала из-за стола. К еде она не притронулась.

– Так что произошло? – Клементе подождал, пока Марья уйдёт из общей залы и требовательно смотрел на меня.

– Нас не любят в Ровалии и Эрильском княжестве. – Я прервался окуная ломоть хлеба в дымящееся рагу. – Вампиры захватили сознание людей в одной из деревень. И под их влиянием жители повесили ученика Марьи. Её саму отрезали от дара. Я едва успел вовремя.

Клементе присвистнул.

– У тебя удивительная способность оказываться в нужный момент в нужном месте, друг. Я коротко кивнул. Волшебник выпил ещё вина, изучая моё лицо.

– Я думал, что вампиры не могут заставить человека делать то, чего он не хочет. Остановить на месте, лишиться воли – да. Но убить?

– В этом и проблема, Клементе. Они этого хотели.

Волшебник в удивлении цокнул языком.

– Тогда и вправду, что-то непонятное.

Марья вышла из специальной комнаты, где можно было помыться, как раз в тот момент, когда я полностью доел свою еду. Её взгляд был направлен в никуда. Она замешкалась на несколько мгновений, не успев перестроиться. Но буквально через секунду уже направилась ко мне. Молча, протянула мне свежее полотенце и не терпящим возражений взглядом отправила меня мыться. Под ухмылку Клементе, разумеется, который усиленно делал вид, что интересуется ароматикой вина.

Мы вышли с постоялого двора и направились к карете волшебника, запряжённой четырьмя лошадьми. Старый возница в тёплом плаще и шляпе ничем не выказал своего удивления, когда увидел, что его господин поедет в компании ходящих. Только приподнял шляпу, приветствуя.

Я думал о том, что скоро увижусь с Кальей.

На дворе была середина осени.

История четвёртая. Сумеречные своды

Лес, тёмный и дремучий, скрипел ветками, шелестел листьями от запутавшегося ветра, накрывал сумраком. Пахло сырой землёй и горечью хвои. Неширокая, идущая вверх тропинка. Старые, сухие, уже давно без листьев деревья по краям. Но стоит отвести взгляд чуть в сторону и можно увидеть огромные, заросшие чёрные осины, через которые невозможно протиснуться.

Здесь же, на тропинке чаща расступалась, показывая скрытый до этого замок. Вросший монолитами в скалу. Тёмный, с квадратными башнями, замшелой стеной, чёрными провалами окон.

Я остановился, вдыхая воздух.

– Помнишь, когда впервые увидел его? – Вопрос Марьи застал меня врасплох. Девушка стояла позади. И, как и я, заморожено смотрела на обитель всех ходящих – Сумеречные своды.

– Слишком хорошо. – Ответил я ей, чувствуя отдалённый холод и тихий шёпот.

За почти две недели пути, Марья хоть и немного, но пришла в себя. Она всё больше молчала. Но я чувствовал, просыпающийся в ней огонёк. Маленькую искорку, которая поможет избавиться от гнетущей скорби произошедшего.

Сама земля помогала нам здесь. Снимала с души тяжесть, напивала силой.

Мы поднимались вверх, пока не дошли до врат с деревянной, потемневшей от времени дверью.

Она была неширокой. Раскинь руки в стороны – вот и вся дверь, а вместе с ней и врата. Никакой стены ни справа, ни слева не было. Вместо неё здесь из каменной толщи настолько густо росли деревья, что складывалось впечатление, будто за ними ничего нет. Кроме беспроглядной тьмы.

Я взялся за холодную витую ручку. Почувствовал знакомое покалывание и, уже зная, что будет дальше, потянул на себя, глубоко вдыхая воздух.

Волосы растрепал налетевший ветер. Задул в лицо холодом. И тут же толкнул в спину, вынуждая сделать шаг на узкий, покачивающийся мост.

Сердце пропустило несколько ударов.

Внизу, под ненадёжными, узкими дощечками была пропасть. Дна не видно из-за густого чёрного тумана. Края скрыты за тёмной пеленой. Я обернулся, ища Марью. Её лицо было едва различимо, хотя она находилась всего в трёх шагах.

Метка Алантры холодила левую руку, чувствуя близость Изнанки. Тянула сойти в пропасть.

Я шёл вперёд, стараясь не думать, что сокрыто внизу. Диан говорил - это преддверие мира теней. И я был склонен ему доверять. Ведь из альтернатив у меня была только Бездна. А это, куда хуже! Так что немудрено, что мне всегда было не по себе, когда я переходил Мост.

В какой-то момент развод на ладони обжёг меня вековым льдом. Я покачнулся, раскинул руки, стараясь удержать равновесие. Мост заходил из стороны в сторону. Тени пришли в движение. Заклубились, складываясь в размытые фигуры и потянулись ко мне. Изнанка чувствовала метку Алантры. Тянула силу. А я не мог даже закрыться.

После того странного, невозможного скачка из Ровалии напрямик до Лиарты, я до сих пор не восстановился. И если раньше от преддверия Изнанки удавалось отгородиться, то сейчас этого сделать не получалось.

Тени сформировались во вполне различимые щупальца и потянулись ко мне, обжигая холодом. Я вскрикнул от боли и нестерпимого мороза. Щупальца впивались в кожу, прожигая насквозь. Вокруг поднимался чёрный туман.

– Гиль! – заглушенный голос Марьи раздался у самого уха, возвращая обратно. Она обняла меня горячими руками. – Ты едва не сорвался! Что произошло? – Я почувствовал,

как девушка коснулась дара, создавая щит. Попытался сказать хоть что-то, но не получилось. Горло пересохло, ссаднило и сильно болело.

– Всё хорошо, я проведу тебя. – Её голос шептал что-то хорошее и тёплое. Заставлял оставаться в этом мире. Идти вперёд.

На нас налетали тени, существа без контуров, слышался отдаленный вой. Но всё разбивалось об дымный щит Марьи. Она вела меня по раскачавшемуся мосту, обнимала сзади, закрывая от вьюги. И не прекращая говорила.

Так мы и вышли в обычный мир.

Ураган закончился. Снова появилось небо над головой. Я увидел окаменевшие статуи ходящих древности, развевающиеся плащи. Величественные лица.

У одной из статуй была высокая и сложная причёска, почему-то вьющиеся на ветру волосы, угольно-черные глаза, соболиные брови и бесконечно насмешливый взгляд. Она смотрела, чуть наклонив голову, а затем с издёвкой произнесла:

– Даже так?

Голос Кальи, который я за последние два года слышал только в воспоминаниях оказался совсем настоящим. Как и она сама.

Мост изрядно потрепал меня и я с большим запозданием понял, что одна из скульптур – моя бывшая наставница.

Лин'каэтрин стояла, словно каменное изваяние. С прямой спиной, недвижная. Завораживающая. Словно она – центр мира.

Я почувствовал, как Марья поспешно отпустила меня. И тут же упал на колени, ударившись руками об землю. Сил, чтобы стоять не было. Они куда-то делись. Исчезли. Как и весь мир вокруг. Остались только угольно-чёрные глаза.

– Что с ним? – это голос Кальи пробрался откуда-то сверху.

Я не мог поднять даже головы. Стоило только Марье освободить меня из объятий, как всё, что копилось всю дорогу из Лиарты, рассеялось.

– Мост. Он пытался забрать его. – Ходящая была рядом. Я вновь почувствовал её горячие руки. Она хотела помочь подняться. Но у неё ничего не получилось. Изнанка, её преддверие, выпила меня полностью.

– Не стоит, Марья. – Лин'каэтрин, как и всегда говорила спокойно, но её голос, мог сдвигать горы. – Он поднимется сам!

Хрустальный, как ледяной ручей. Высокий, словно протяжный звук флейты, что поёт для тех, кто слышит всё происходящее в мире. Чистый, звенящий, пронзительный, тягучий и...

...Тёплый

– Гиль! – Голос лин'каэтрин забрал все остальные звуки. – Кристиан! – Калья говорила и я слышал капли дождя. – Кристиан де Гильер! – Я почувствовал вкус сырой земли. – Ты должен встать! Именно сейчас! – Боль по всему телу. Нежелание подниматься. Грудная клетка горела огнём.

– Ещё раз!

Ледяные капли хлестали по лицу, мешая создавать плетения. Калья, казалось не замечала этого, ежесекундно обрушивая на меня несметное количество узоров. Её манера отточенная несколькими веками, была странной. И несмотря на то, что я давно всё знал, мне приходилось нелегко. Я едва успевал, с каждым мгновением, понимая, что безнадежно отстаю. Лин'Каэтрин не останавливаясь, плела рисунки, вполне возможно, что думала она сейчас совсем о другом, забыв про меня. А я, тем временем, силился сравниться с ней в скорости.

Чёрная плеть разбилась об угольную решётку. Вихрь первозданной тьмы едва не затянул меня в свою воронку, заставляя отвлечься. Кругами волн пошёл мой щит, после того, как о него разбилась десятая по счёту птица теней.

Я стянул силу, создавая непроницаемый шар. Когда мир вокруг обезумел. Капли воды, превратились в осколки обсидиана, разрезая кожу, я вскрикнул, отвлекаясь и в это же мгновение в мою грудь вонзилось копьё цвета самой тёмной ночи.

Меня отшвырнуло на добрый десяток метров. И не желая больше вставать, я просто лежал подставив голову под капли дождя. Сколько раз за этот долгий день мне уже приходилось подниматься с мокрой земли? Я устал считать! Да я уже просто устал! Всё хватит!

– Ещё раз!

Калья, словно зная, о чём я думаю, не позволила мне насладиться отдыхом.

Я встал.

И все повторилось вновь.

Десятки плетений, создаваемые за жалкие секунды, вновь устремились ко мне. Я рисовал в голове образы, остервенело сплетал пальцы и размахисто взмахивал руками, формируя фигуры сразу на двух уровнях. Но даже этого мне не хватало.

Я вновь оказался на земле.

– Ещё раз!

Короткая схватка. Черета плетений. Огромная луна, у которой отобрали весь свет, вновь отправила меня в мокрый песок вперемешку с землёй.

– Ещё раз!

Грязь. Холодная вода. Вкус земли.

– Ещё раз!

Мои ребра словно сломались от удара огромной кувалды.

– Ещё раз!

Из моих лёгких уже вырываются только хрипы.

– Ещё раз!

Пальцы окоченели настолько, что уже не слушаются.

– Ещё раз!

Боль и холод.

– Ещё раз!

Забери ее Бездна!

– Ещё раз!

Тьма!

– Ещё раз!

Я больше не мог встать. От любого движения, голова грозила расколоться, как гнилой орех. Лин'Каэтрин приложила к моему лбу почему-то горячую руку. Я почувствовал ласку, как в детстве, которого почти не помнил.

– Ты должен встать. Именно сейчас. Я знаю, что ты устал. Но ты должен. Это важно.

Тепло от её рук, разлилось по всему телу. Я забылся на какое-то время. А затем поднялся.

Калья стояла передо мной. Как всегда, красивая, с высокой причёской. Казалось, что дождь обходит её стороной. Только по ожерелью из оплавленных дымчатых топазов стекали капли.

– Ещё раз!

Я взглянул на мир через Изнанку. Краски выцвели, смазались. Начали гореть мышцы, грозя разорваться. Я двигался быстро. Прошла доля секунды, не больше. Клинок из сотканной тени уже устремился к шее моей наставницы. Но внезапно я вновь оказался на земле, сбитый с ног. Выпитый досуха. Надо мной склонилась чёрная пантера, прижав огромной лапой к земле. Я лежал, смотря в два угольно-черных глаза создания с той стороны.

– Поступь. Хорошо. – В голосе Кальи слышалась гордость. – Но не забывай, что канатоходцы чаще всего падают именно в конце.

Словно в подтверждение её слов пантера сверкнула огромными клыками, а затем развеялась струйками дыма.

Дождь, решив смилостивиться, наконец-то закончился. Я попытался сесть, но бросил это бесполезное занятие и просто смотрел на серое, низкое, всё в тучах небо.

Откуда в ней столько силы? Казалось, что Калья совсем не чувствует усталости. Просто стоит, позволяя окружающему миру существовать.

– Как ты это делаешь?

Я не стал уточнять. Но она поняла. Она всегда понимала.

– В тот момент, когда ты думаешь, что больше не можешь встать, нужно сделать это ещё раз. И так каждый раз, пока можешь думать.

Она была прекрасна. Точёное, словно вылепленное гениальным скульптором высокородное лицо. Отчего-то я был уверен, что в ней текла кровь первых правителей Сааны. На неё хотелось смотреть и никогда не отрывать взгляда.

Калья насмешливо окинула меня чёрными искрами глаз.

Она всегда знала о чем я думаю.

– Нам пора домой, Кристиан.

Я с усилием поднялся. Меня ощутимо пошатывало. Но Калья была права. Только, когда ты переступаешь через себя, к тебе приходит сила.

Мы поднимались к Сумеречным сводам по размытой дороге. И пока я, то и дело поскользывался и постоянно опирался руками о мокрую мешанину, называемую землёй, она шла, будто не замечая того, что натворило недавнее ненастье. И я в который раз поразился сколько в ней было внутренней силы.

Земля была влажной. Мост. Встать. Осины. Марья. Я должен встать. Сумеречные своды. Ровалия. Безволие крестьян. Клементе. Пока можешь думать. Высшие вампиры. Повешенный. Лиарта. Баньяны. Ученик Марьи болтается на верёвке. Костёр. Встать пока можешь думать. Горечь хвои. Замок. Вампиры сходят с ума. Я должен рассказать. Встать. Подняться с земли.

– Ещё раз.

Горячие руки легли поверх моих. Метка Алантры потеплела, чувствуя близость Кальи. Потянулась к ней.

Лин'каэтрин ничего не говорила, просто была рядом. Тепло рук. Мокрая земля, остатки травы. Я вдохнул...

... И ощутил землю. То, что было в ней. Сила витала там – внизу. Целый океан. Ладони прижало к дёрну. Развод на левой руке нагрелся. Меня кинуло в жар, но я даже не успел удивиться. Не прошло и секунды, как лёгкий толчок от земли – словно кто-то ударил по воде, а ты почувствовал – освободил мои руки.

Земля сумеречных сводов поделилась со мной. Маленькой каплей.

Я поднялся.

На меня смотрели насмешливые угольно-черные глаза. Марья стояла в стороне, ожидая. Я хотел что-то сказать, но пересушенное и ссаднившее горло могло только хрипеть.

Калья окинула меня взглядом, а затем я услышал голос из прошлого:

– Нам пора домой, Кристиан. – Она сказала это в унисон каплям дождя, впитавшимся в землю многие годы назад. Тот же тембр, те же интонации. Та же неподвижность и целый мир, которому позволили существовать, вокруг.

В комнате было темно. И прохладно. Калья сидела перед зеркалом, спиной ко мне, расчесывала гребнем волосы. Перед ней горели свечи и магические огоньки, расположенные по ободу осеребрённой поверхности стекла. Я чуть двинулся, выпуская руки из под тяжёлого

пухового одеяла, кровать предательски закрипела. Девушка замерла, услышав шум. А затем продолжила расчёсывать волосы.

– Давно проснулся?

Я выругался про себя. Мне всегда нравилось наблюдать, как она вот так сидит перед зеркалом.

– Толь...ко что. – Я закашлялся. Горло было пересохшим. И ещё – оно болело.

– Воды? – Калья уже стояла рядом. Взгляд насмешливый, но при этом внимательный. Она переживала за меня.

Я взял хрусталь из её рук, сделал несколько глотков, поморщился от горечи. Ходящая, тем временем, села рядом.

– Так намного лучше. Но вода горькая и горло болит. – Я дотронулся до шеи. Её жгло.

– Неужели?! Ты выглядишь так, будто пытался повеситься. Какой Бездны тебя потащило на Мост?!

Калья, как и всегда, не отказывала себе в проявлении беспокойства и заботы. В своей излюбленной форме. Обвинительного вопроса.

Похож на висельника? Неудивительно! Некоторые щупальца успели обвиться вокруг шеи. И если бы не Марья, я бы сейчас не лежал в мягкой и тёплой кровати.

– Вампиры ведут себя странно в последнее время.

Лин'каэтрин смерила меня надменным взглядом.

– Странно? Стали подавать милостыню нуждающимся? Или строят дома для бездомных?!

С ней невозможно было разговаривать. Она слушала любого другого. Но не меня! Привыкла, что я вечный ученик, хотя давно перестала быть наставницей.

– Вампиры, – мой голос сорвался на хрип. – Они сводят людей с ума, Калья! Крестьяне повесили ученика Марьи! – я закашлялся. Отпил ещё воды. – А знаешь откуда пришёл вампир, из-за которого мне пришлось убить ребёнка?! Из Ровалии! – Я зло посмотрел на ходящую. – Ах да, ты ведь не знаешь! Я убил ребёнка, Калья!

Она молчала. Не говорила ни слова. Смотрела чёрными озёрами. Сожаление? Сочувствие? Немного боли? Ничего нельзя было прочитать в её беспристрастном взгляде Лин'каэтрин.

И тогда я продолжил:

– Пятнадцать лет назад, жители Бжерниц растерзали девочку за то, что она управляла тенями! Напомнить тебе, где находятся Бжерницы?! – Я начал загибать пальцы. – Ровалия! Эрильское княжество! Ровалия! – Девушка молча смотрела на меня, даже, не думая перебивать. – Может подождём ещё?! Пока нас не начнут убивать просто так?! – Я закашлялся, попытался сделать ещё один глоток, но вода закончилась.

Калья, всё также, молча протянула руку, я передал ей хрустальный бокал. Она поставила его на стол, вернулась и легла рядом, на одеяло.

Я почувствовал её руку на шее, потом на лбу.

– Думаешь, сказывается близость Проклятых земель, Гиль? – Наконец, её тон поменялся. – Я подумаю над этим. А тебе нужно восстановиться.

Ходящая смотрела на меня долгим взглядом, изучала, искала одной ей известные черты. И не находила. Там, за угольками чёрных глаз, я чувствовал беспокойство. Порой, мне казалось, что она ненавидит меня. А иногда, видел безмерную скорбь на её красивом лице.

Рука Лин'каэтрин легла мне на глаза, закрывая.

– Спи. – Одно слово, сказанное шёпотом, заполонило всю комнату. Эхо её голоса звучало Изнанкой. Забрало все звуки вокруг. Тени обволокли меня. Укутали с ног до головы. И только прохладная рука Кальи на глазах служила якорем материального мира.

А затем пропала и она.

Я провалился в сон.

Нога в очередной раз соскользнула и я повалился на мокрую землю. Весь в грязи, почти без сил. Не могу даже дойти до дома!

Я поднял взгляд. Калья шла вперёд и даже ухом не повела на моё падение. Ненастье будто не знало о её существовании. Я же был весь мокрый.

Древний замок постепенно вырастал из-за поворота. Тёмные, под стать нашей сути, камни образовывали величественное, а для кого-то даже страшное строение. Ни один смертный человек, не обладающий даром, ни за что бы не посмел приблизиться к нему. Да и не смог бы. Слишком уж противоречивые истории рассказывали о нас – ходящих по теням. Мы те, кто продали душу Бездне. Мы поклоняемся тьме. Крадём детей. Играючи разрушаем целые города. Да что там – страны! Собственноручно создаём вампиров, чтобы они помогали убивать, как можно больше людей.

И это лишь малая часть того, что можно услышать о себе в любой случайно взятой таверне или на городской площади. Как вы поняли, люди в основном боятся нас. И не доверяют.

А на самом деле мы единственная защита людей от вампиров. Волшебники и некроманты, конечно, тоже могут уничтожить парочку другую клыкастых бестий. Но только до того момента, пока не нарвутся на высшего. Человеческой реакции, не усиленной Изнанкой мира, просто не хватит, чтобы среагировать на атаку такого вампира. А уж если говорить о Несущих смерть...

Я в который раз перевёл взгляд на Калью, любуясь её прямой спиной. Она была одной из тех, кто собственноручно запирает Несущих в Бездне. Какой же силой нужно обладать, чтобы воплотить такое?

Сумеречные своды нависли над нами тёмными камнями крепостных стен. Мы оказались под защитой замка. И я, наконец, в горячей воде смог отмыться от грязи и теперь с удовольствием сидел в кресле, держа в руках тёплую кружку с отваром.

Лин'Каэтрин сидела напротив и с какой-то затаённой тоской смотрела на меня, словно надеясь рассмотреть что-то в моём усталом лице. Метка Алантры, отвечая на пристальный взгляд ходящей, отзывалась приятным теплом.

На самом деле, Калья подолгу могла так всматриваться, будто бы выискивая знакомые только ей черты. Я не знал, что она хотела увидеть во мне (точнее знал, но не хотел об этом думать). Но позволял ей это. Под её взглядом невозможно было спорить.

– Как вы это сделали?

И в который раз ей понадобилось всего лишь мгновение, чтобы понять, о чём я спрашиваю.

Лин'Каэтрин сомкнула глаза, на долю секунды, не больше. Но именно в этот момент я заметил на её лице, промелькнувшую реакцию старой боли. Даже не реакцию, только тень. Отголосок. Это был всего лишь миг. Но я увидел.

– Некромант. – Коротко ответила она. И видя, моё непонимающее лицо, продолжила. – Возможно, тебе известно имя Линнэрт?

Что-то, а уж это имя я знал. Точнее, его знал каждый ребенок Сааны. Имя некроманта старались не упоминать всуе и использовали, чтобы припугнуть нерадивых детей.

Если верить книгам, описывающим события Тёмной войны. Линнэрт мог сравниться с несущими смерть, по количеству людей, которые погибли при его непосредственном участии. Его ненавидели почти также, как семерых чуть не разрушивших мир отрёкшихся. И единственное, чего я не понимал, так это то, на чьей стороне он в итоге сражался. В одних книгах говорилось, что он переметнулся на сторону колдунов. На страницах другой можно было прочесть, что он сошёл с ума и не ведал, что творит. А признанный всеми трёхтомник за авторством какого-то придворного летописца тех времён утверждал, что некромант с самого

начала был на плохой стороне. И до сегодняшнего разговора я как-то не задумывался о другой версии событий.

– Да, я читал некоторые труды историков. Но думаю, там не написано и десятой доли от правды. Верно?

Калья улыбнулась.

– Всё правильно. Я расскажу, как всё было на самом деле. – Девушка встала, подошла чуть ближе и забрала отвар у меня из рук. – Позже.

Воздух был удивительно мягким и тёплым. Совсем, как плечи Кальи. Она сидела спиной ко мне. Обнимала колени. Я же разглядывал её кожу, изредка касаясь нитей тёмного ожерелья на шее.

Мне нравилось сидеть вот так вечерами. Грань, которая была между нами во время обучения, здесь стиралась. Оставались только мы, двое ходящих, которым нужно было человеческое тепло.

– Линнэрт принёс великую жертву. – Калья начала неожиданно. – Он не умер, как остальные, он остался в веках, обречённый навечно быть политым грязью. Остался памятью, извращённой завистливыми писаками. То, что он сделал в тот день...

Ходящая внезапно замолчала, оставив переживать меня гнев и боль, которые остались в воздухе

– Он спас целый мир. Я ненавидела его в тот момент. Когда он делал, что должно. Это было ужасно. Но это был единственный способ.

Вновь переживая те далёкие дни, Калья подалась назад, прижимаясь ко мне всей спиной. Словно прося, чтобы я обнял её.

Сейчас она не была похожа на Лин'Каэтрин, к которой прислушивались короли, которую избегали злить даже маги Сияющих шпилей, которой беспрекословно подчинялись все остальные ходящие. Сейчас девушка больше походила на кошку, которая обнаружила, что, её котят забрали, а хозяева не появляются дома уже который день и она осталась совсем одна.

Я обвил её руками, крепче прижимая к себе.

Калья склонила голову, положив её на одну из моих рук и легонько поглаживала предплечья тёплыми ладонями. Я не мог видеть её лица. Но знал, что она закрыла глаза.

Я ничего не говорил. Только крепче прижимал к себе. Слишком долгое время она носила на себе груз ответственности.

Мы долго сидели так в тишине. Я не хотел тревожить, возможно, впервые за долгое время почувствовавшую покой Калью. А она не торопилась с дальнейшим рассказом, просто наслаждалась моментом спокойствия.

Я уже сам начал засыпать, когда она чуть дёрнула плечом, отстраняясь.

– Знаешь, как некроманты получают свою Силу? – Её голос будто заглушился.

– Насколько я помню, они становятся сильнее, находясь на кладбище. – Ответил я, постепенно приходя в себя.

– Верно. – Калья говорила медленно и размеренно. – Самые умелые могут забирать силу прямо на поле боя. Всё, что для этого нужно – человеческая смерть. Мы уже не могли противостоять им. Гисперон погиб где-то в пустынях Шентара сцепившись сразу с тремя несущими смерть. Адромедус просто исчез, так никогда и не добравшись до Проклятых земель. И никто не знает, что с ним произошло. Я ещё не обладала нужной силой и опытом... Да и теперь не уверена, что смогу соперничать хотя бы с одним из отрёкшихся. Диар...

Калья прервалась, вздрогнув. Её голос едва не сорвался на последней букве этого имени.

– Он вышел против несущих смерть. Один против всех сразу.

Когда Калья сказала это, я не поверил сперва. Как такое вообще, может быть возможно?! Это больше походило на шутку. Вот только Лин'Каэтрин не имела такой привычки шутить.

В особенности про те времена. Скорее, наоборот, каждый раз, когда речь заходила о Тёмной войне, на её лице появлялись грусть и сожаление.

– Он дал нам время. Всё, которое только мог... Я так и не смогла найти тело. Он выжиг себя, спасая нас. Веря, что спасает... Мы все тогда могли только верить. Это единственное, что у нас не смогли отнять.

Она вздрогнула и я сильнее прижал её к себе.

– Как такое возможно? Как он смог?! – Я был ошеломлён тем, что услышал. Раньше меня не особо интересовали события давно минувших дней. Моё внимание больше занимало, как удержать силу, которая уходила, как песок сквозь пальцы, стоило только коснуться Изнанки.

Калья долго не отвечала мне. И я чувствовал её дрожь, несмотря на тепло вокруг

– Метка Алантры. Та самая, которая не даёт тебе ходить по Изнанке мира.

Я с досадой вспомнил о чёрном разводе на тыльной стороне ладони левой руки. Именно он не давал мне полностью контролировать свой дар. Стоило только сделать шаг на ту сторону, как Изнанка полностью выпивала меня за жалкие секунды. Я одновременно был и ближе к Силе и не мог ей пользоваться в полную. В то время, как другие ходящие могли ходить по теням не опасаясь оказаться полностью выжатыми. Мне приходилось ловить каждую секунду, находясь там.

Он научился жить с ней в мире. – Калья будто бы усмехнулась на этих словах. – С помощью метки он мог зачерпывать огромную Силу с той стороны. Но даже этого оказалось недостаточно. В тот день погибли почти все, кто пришёл защищать Асарийский предел.

Солнце светило прямо в глаза. Я прикрыл их рукой. Не помню, когда последний раз видел солнечный свет в Сумеречных сводах. Обычно здесь было серо и пасмурно. Магия места накладывалась на расположение и климат.

Я сел на кровати, осмотрелся. Кальи не было. Горло перестало болеть и больше не саднило. Сколько я проспал?

Спросить было не у кого.

Я умылся, надел висевшие с незапамятных времён штаны из громоздкого шкафа. Нашёл рубашку и не заправляясь вышел из комнаты.

Дар понемногу возвращался. Скорее всего, я провалялся во сне дня три или четыре. Наверное, Калья что-то подмешала в воду. Мне вспомнился вкус горечи на языке. С моей бывшей наставницы станется. Запереть в клетку, чтобы ты не навредил себе излишней свободой. Это было её любимой стороной "заботы". После сарказма и обвинений, разумеется.

Я шёл по замку. Коридоры, залы и лестницы. Если не знать расположение этого лабиринта, то очень быстро можно было заблудиться.

Ноги сами привели меня в зеркальный зал. Я находил название забавным. Ведь зеркал здесь не было.

Зато пол, выложенный чёрным мрамором, отражал тех, кто проходил тут раньше. Я любил сидеть так на холодном камне, привалившись к стене. Если просидеть достаточно долго, можно было увидеть, как Ринтрелл, задумавшись, медленно проходит через самый центр, держа в руках книгу. Диар стоял у окна и что-то рассматривал в проёме тысячу лет назад. Какая-то девушка, имени которой я не знал кружилась по залу, не видя ничего вокруг от восторга.

Все они ушли в тень. И теперь лишь безмолвные статуи у Моста и мороки в зеркальном зале могли рассказать о них.

Диара, например, я очень хорошо знал. Провёл не один десяток часов, вглядываясь в суровое лицо статуи. Розалия говорила, что я на него похож, но предполагаю, что она делала это назло. Чтобы лишний раз посмотреть, как будет негодовать Калья, когда обнаружит меня у Моста.

Диан, единственный, кто помнил те времена, один раз проронил, что Лин'каэтрин высекла скульптуру своего возлюбленного несколько лет. В ярости ломала почти готовую статую, рыдала, сходила с ума. А потом начинала заново.

Статуй было не много, но и не мало. Кто-то вырезал из теней и камня своих наставников. Иногда происходило наоборот. А иногда не оставалось совсем ничего. Как с этой девушкой, что кружилась в слепом восторге.

Замок запомнил её. Но изваять фигуру было некому. Порой умирали и ученик и учитель. И тогда только твоя тень оставалась навечно гулять по Сумеречным сводам.

Но и это происходило не со всеми. Ринтрел, Диар, другие великие, имён которых я не знал. Сомневаюсь, что тень ученика Марьи когда-нибудь появится в зеркальном зале.

Я вспомнил тот давний разговор с Кальей. Линнэрта. Некромант, что собрал всю доступную силу, когда большая часть людей, которые пришли в Асарийский предел, погибла.

Калья сказала, что Диар дал время некроманту, чтобы тот мог сравниться с несущими смерть. Они били раз за разом. Линнэрт защищался и отвечал. А затем высвобожденной силы вокруг стало настолько много, что открылся проход в Бездну. В которой их и заточили. Магисияющих шпилей, некроманты, ходящие, колдуны, что нарисовали руны, позволившие провернуть этот фокус и один сонорус у которого был ключ. Да тогда их называли так. Чувствующие отклик. Видящие саму суть предметов.

Но главное – Диар. Ходящий, давший всем время. Вышедший один против всех. И погибший.

Я всматривался в морок Диара. Интересно, о чём он думает? И когда?

– В моем народе говорят, что если долго смотреть на Калатрис, рано или поздно, она обратит своё внимание на тебя.

Даидир стояла справа. Смуглая загорелая кожа. Подведённые сурьмой чёрные глаза. Густые, кудрявые, непослушные волосы до плеч. Даже слишком густые. Она была уроженкой Шентара. И была мастером теней уже тогда, когда меня только привели в сумеречные своды.

– Сравнить богиню тьмы и одного из ходящих. Не находишь, что это слишком... Самонадеянно? – Я повернулся к ней. – Давно ты здесь?

– Не слишком, но достаточно, чтобы вспомнить, как ты часами стоял у Моста, наблюдая за ним. – Ходящая указала на тёмную фигуру у окна. – Я рада тебя видеть, Кристиан. – Даидир лукаво улыбалась.

– Пусть и тебе светит солнце пустыни, мой старый друг. – Знала бы она, как я был рад. Её улыбка стала ещё шире, когда она услышала древнее приветствие своего народа.

Шентарцы почти никогда не рождались с даром ходящих. Слишком много солнца, слишком мало вампиров. Сама Саана препятствовала этому.

Даидир была редким исключением. Она и Розалия. Но если последняя отличалась надменностью и спесивостью императорской семьи. То Даидир лишь улыбалась, принося тепло с собой везде, где бы не появлялась.

Именно с ней я ходил по материку, пока не стал способен справляться самостоятельно.

– Я слышала, что ты спас Марью. – Глаза ходящей были большими, с искорками света в чёрных зрачках

– Но не её ученика. – Я корил себя. – Возможно, я бы успел, шагнув через Изнанку сразу.

– Мы не можем успеть везде, Кристиан. Солнце освещает лишь часть нашего мира. В остальном царит тьма. – К искоркам света добавилась печаль.

Даидир села рядом со мной и тоже стала смотреть на проходящие мимо нас отражения.

– Ты знаешь кто эта девушка? – Я указал на кружащуюся в бесконечном танце фигурку за мгновение до того, как она пропала. Теперь в следующий раз её можно будет заметить через несколько дней, или часов, или месяцев.

– Нет. Но это и не важно. – Улыбнулась Даидир. – Главное, что она здесь.

– Неважно? Почему? Разве, она не заслужила, чтобы такие, как мы знали, что она сделала, раз попала в этот зал? – Я говорил это, смотря, как Диар развеивается, истончается, исчезает. Оставляя после себя только пустой оконный проём.

– Заслужила. И потому, порой, мы можем смотреть на неё. – Ходящая указала на Ринтрела. – Многих ли его современников ты знаешь? Скорее всего – ни одного. Думаешь, они были менее великими?

– Раньше я как-то об этом не думал. – Мне всегда нравилась Даидир с её знаниями и взглядом на мир. Калья, как Лин'каэтрин не могла позволить себе нянчиться со мной, прогуливаясь по Саане в поисках вампиров, пока я достаточно не освоюсь. Потому эту роль взяла на себя извечно тёплая шентарка. Хотя, признаться честно, мы с Кальей чуть не поубивали друг друга, стоило нам только пару раз прокатиться вместе в карете. Её выводили из себя мои "наивные и идиотские" предложения помочь попавшим в беду крестьянам или просьба поделиться водой с возницей, когда палило знойное солнце, а он целый день был вынужден сидеть на козлах.

К тому же, я постоянно позволял себе говорить что-то отличное от её мнения, от чего она, конечно же, приходила в ярость.

Так что Даидир, сама не ведая того, вытащила мою голову из пасти огромной и разъярённой пантеры. Чем, возможно, спасла мне жизнь. Она стала мне другом. Чем-то большим. Той, кто всегда рядом. Тёплым огоньком, что светил в ночи.

Но мы не говорили с ней об этом в Сумеречных сводах.

– Сейчас все помнят только о Тёмной войне. Но были и другие. Не менее ужасные. – Взгляд ходящей помрачнел. И мы надолго замолчали. Пока, Даидир не поднялась с пола. – Пойдём Кристиан, тем более, что кое-кто очень хочет тебя увидеть.

Я задумался, интересно кто?

– Пойдём, – сказал, я поднимаясь. И добавил едва слышно. – Арами.

Но она лишь покачала головой, услышав.

– Только Даидир, Кристиан.

Смуглая шентарка вела нас в помещения для учеников. Мы прошли библиотеку, шепчущий зал, где новоиспечённые ходящие по теням только учились ступать на Изнанку. И, наконец, вышли к анфиладе молчания.

Череда соединённых между собой комнат. Тренировочные залы для только-только начавших осваивать плетения. Отполированный почти до зеркального блеска гранитный пол, выщербленные стены, широкие арки. Здесь можно было рисовать плетения, не мешая другим. Быть отгороженным от остальных, но при этом рядом.

И первые десять лет запрещалось говорить. За исключением, когда к тебе обратится наставник. Провинившихся на неделю лишали доступа. И если вначале это казалось странным, то как только у тебя начинали получаться самые простейшие плетения, каждый день без практики начинал казаться пыткой. Так что молчание здесь царило гробовое. Только шорох ткани, да едва слышимый шелест, когда заколдованные тени касались камня.

Мы вошли в первую комнату. И я увидел длинноволосого человека, вокруг которого на соломенных матрасах сидело трое подростков. На плече человека нахохлился чёрный ворон. Стоило нам только войти, как чёрные глаза-бусинки птицы впились в меня. Крылья распахнулись было, чтобы захлопать, но ворон передумал.

Диан о чём-то тихо рассказывал ученикам. Над его левой рукой витали тени. Правая держала трость. Он был хромым.

– Карр-карр.

Ворон, которого, кстати, звали Карр (у Диана было своеобразное чувство юмора), возвестил о нашем прибытии. На него правило о тишине не распространялось.

Ученики смотрели на меня и Даидир. Диан раздражённо тряхнул плечом, не обращая на нас внимания. Чуть повысил голос.

– Таль, твои рисунки рассыпаются, не успев сформироваться. Ты должен очень хорошо видеть, что хочешь получить! Сколько раз мне нужно это повторить, чтобы до вас, наконец, дошло?!

Диан медленно провёл по воздуху рукой. Вниз, направо, верх, чуть наискосок, пара едва заметных движений пальцами.

Я в который раз подивился. Хотя, давно уже не должен был. Пара скупых росчерков и тень, висящая в воздухе стала напоминать лицо Таля.

– Ида, ты пропускаешь точку стабилизации. Плетения плывут. И навредить могут разве что ребёнку, который боится темноты. Не отпускай потоки слишком рано. Не нужно копировать меня или Рила. Делай, так, как тебе подсказывает дар.

Со стороны, все эти разговоры про точки стабилизации могли показаться непонятными. Но представьте кукловода, который держит фигурку на ниточках. Измените точки крепления чуть ниже или выше и вы не сможете ей управлять. Также было и здесь. Каждый из нас сплетал тени по своему. Диан короткими росчерками, Даидир с небольшими завихрениями, у Марьи было много изогнутых линий. Розалия отличалась академической точностью. А вот Калья...

Калью я так и не смог понять за столько лет. Странная, непредсказуемая манера. Её плетения всегда были необычными, нестандартными. Другими.

– Создай сферу. – Диан ударил тростью об пол. Разнеслось глухое эхо.

Ида подскочила от неожиданности. Худая, с коротко стриженными волосами под мальчика, девчонка. Нахмурилась, сосредотачиваясь и закрутила рукой. Тени пришли в движение. Поломались, отрываясь от своих носителей и потекли к ней. Сфера повисла в воздухе, но её мотало, она все время растекалась, тени стремились вернуться на свои места.

Диан снова стукнул тростью об пол.

– Карр.

Ворон слетел с его плеча и хлопал крыльями.

Ида с раздражением, досадой и растерянностью смотрела, как её сфера разлетается словно туман от ветра. Только вместо ветра была небольшая птица. Которая с насмешкой каркнула ей прямо в ухо, облетела кругом и уселась обратно на плечо хозяина.

Я знал Карра, сколько себя помню. Диан не раскрывал секрет долгожительства ворона. Лишь хмурился и советовал лучше учиться плетениям.

– Все свободны. – Диан, наконец, обратил своё внимание на нас. – Таль, на следующее занятие я хочу три фигуры из глины. Животное, дерево и человек. И лучше бы ему испытывать больше одной эмоции! Рил, останься. И матрасы на тебе.

Ученики ушли. Мастер теней повернулся к нам и стуча тростью об камень, медленно подошёл. Рил, тем временем, убирал с пола матрасы.

– Де Гильер. – Голос Диана был чуть насмешливым, чуть суховатым, чуть надменным, чуть заботливым и чуть обвинительным. В нём было всего понемногу. И я никак не мог избавиться от ощущения, что нахожусь на уроке. – Марья рассказала мне как ты протащил её до Лиарты. И будь я проклят, если скажу, что знаю, как ты это сделал. – Он смотрел на меня, ожидая ответа.

А я и сам не понимал как. Сказать ему, что использовал незнакомое, почти забытое плетение в первый раз? И даже не представлял к чему это приведёт? – Тогда до конца жизни буду выслушивать его шутки.

– Я не знаю.

Диан усмехнулся.

– Забавно получается, де Гильер. В прошлый раз ты притащил с собой мальчишку с другого конца Ирритии, – он указал на порядком выросшего Рила. – Вышел прямо перед замком.

И не будь я в тот момент у Моста – ни за что бы не поверил. Теперь шагнул на полконтинента, держа за руку Марью. В тебя вселился дух Алантры? – Он сурово смотрел на меня. – И заметь, это самое правдоподобное объяснение.

– В прошлый раз я встретил егеря.

Эту историю я уже рассказывал восемь лет назад. И мне не верили. Не поверили бы, не увидь меня Диан на той тропе перед Сумеречными сводами. После встречи с егерями Маррэдит не выживают. Это все знали. Я же умудрился не только остаться в живых, так ещё и шагнуть через Изнанку сразу к дому всех ходящих – Сумеречным сводам. А всё потому, что егерю приспичило сначала полностью отобрать у меня силу, а после вернуть с лихвой.

– А в этот сам Сиарант спустился с небес и протянул свою длань?

Ворон подпрыгнул на плече хозяина, захлопал крыльями.

– Карр, Карр. – Очевидно, ему понравилась шутка. Диан поморщился, когда птица приземлилась обратно и крепко схватилась острыми когтями за плечо.

– Даже боги не знают всего. – Даидир тёплым лучом вступила в диалог, умиряя напор мастера теней.

– Ну да, ну да. – Диан пронзил меня взглядом. – Сказать по правде, я думал, ты не выдержишь и пары лет. Ходящий, так и не научившийся ходить в тень. Я рад, что ошибался. – Диан взял меня за плечо, посмотрел прямо в глаза. – Спасибо, что не оставил Марию.

Я кивнул, чувствуя себя странно. В отличие от других ходящих, он выглядел лет на десять старше. Мы переставали стареть на пике. Он же был более взрослым с лёгкой сединой в волосах. Не знаю почему. Наверное, от этого я до сих пор и воспринимал его как наставника. И не лез со спорами.

Мастер теней дружески хлопнул меня по плечу и поковылял к выходу, постукивая тростью.

– Ты молодец, Кристиан. – Даидир крепко обняла меня, щекоча непослушными волосами, и отправилась догонять Диана.

– Ты слишком добра к ним, – услышал я ворчание от двери. И улыбнулся. Он всегда так говорил.

Я перевёл взгляд на Рила, который как раз закончил перетаскивать матрасы.

– Здравствуй Рил, как твои дела?

Парень нерешительно улыбнулся.

– Да, вроде, хорошо. Вот учимся.

– И как? Ты единственный, кому Диан не сделал замечаний.

Щёки Рила чуть покраснели. Ему была приятна похвала. Диан с этим был особо строг. Я вот, например, за всё время обучения так и не услышал от него ничего похожего. Если у меня что-то получалось, Диан просто молчал и это значило, что сегодня я не такой неумеха, как обычно.

– Да, у меня стало получаться немного. Сегодня я даже почти призвал птицу теней.

Я изогнул бровь. А парень и вправду молодец. В отличие от простейших плетений, навряд ли тёмной сферы или копья – птица, уже следующая ступень. Создать не просто предмет, а почти одушевлённое, живое существо. Для этого требовалось очень много практики и усердия. Ну или таланта.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать, – Рил помолчал несколько секунд, а затем смущённо добавил, – будет через три месяца.

Значит, когда я его забрал, ему было восемь. Долговязый, худой, ещё не обросший мышечной массой мальчишка уже почти мог то, чему я научился только в двадцать два.

– Кристиан, – парень мялся, боясь спросить. Я подбодрил его доброй улыбкой. – Я хотел узнать насчёт родителей. Даидир, сказала, что с ними случилось несчастье. Но не такое, как мне говорили.

Вот тут я нахмурился. Рил не выходил из дома на улицу первые семь или восемь лет своей жизни. Его родители придумали какую-то замудрённую историю. И держали внутри, покупали книги, рассказывали о деревне. Но никогда не выпускали за порог. Думали, что если другие жители не будут в курсе, то и егерь не узнает их обман. Наивные. Кто может обмануть смерть?

Поэтому, когда я привёл его в Сумеречные своды, мальчику была рассказана история о злом вампире, который пришёл в деревню. Парнишка привыкший к затворничеству и не знающий, что такое обман, поверил. Но чем старше становился, чем больше узнавал – тем больше вопросов у него появлялось.

Калья отчего-то сразу решила, что правду говорить в таком возрасте ему нельзя. Нужно подождать, пока подрастёт. Я пытался с ней спорить, но Лин'каэтрин была непреклонна. Считала, что чувство вины убьёт его тягу к обучению и лучше перенаправить его внутреннюю ярость на вампиров. Я же настаивал на тяжёлой правде. Считал, что это закалит его, сделает сильнее.

На крики явилась Даидир и без лишних слов взяла мальчишку под своё крыло. Только укоризненно посмотрела на нас.

– Это правда. Видишь ли, в чём дело, – я замялся, думая, с чего лучше начать. – Твоих родителей убил не вампир.

– А кто? – Рил посерьёзnel, перестал смущаться, брови насупились.

– Перед тем, как я тебе расскажу, я хочу, чтобы ты понял одну вещь. – Мне предстояло достаточно трудное дело – объяснить только начавшему взрослеть и подавать надежды мальчишке, что он не виноват в смерти своих родителей.

Я подошёл к сложенным один на другой матрасам, сел и позвал Рила:

– Все мы делаем выбор. Иногда он важен, иногда не очень, а иногда от него зависит наша жизнь...

Я сделал небольшую паузу, посмотрел в его напряжённые глаза и рассказал историю о егере, о проклятых землях, о людях, заражённых оспой, некроманте и зарытом сокровище.

– Кто дал тебе право?!

Калья прожигала своими чёрными углями глаз. Вздёрнутые ресницы, сомкнутые в тонкую линию губы.

Ярость, гнев и злость.

– Право на правду? – Я сказал это и тут же пожалел, когда увидел, как одна из её рук зарябила от стекающей силы.

Точно не сейчас. Сейчас я не готов. Сейчас, я, разве что, смогу сплести тени в простенькую сферу. Меньше всего на свете, мне нужен конфликт сейчас. Только не сейчас!

– Не нужно Калья. – Я поднял руки, показывая, что не намерен играть в её игры.

– Ты идиот! Пустоголовый недалёкий идиот! – Пространство вокруг руки Кальи прекратило искажаться. Кажется, моя Лин'каэтрин передумала меня убивать. – Почему ты не спросил?!

Она вошла в свои покои именно в тот момент, когда я рылся в её личной библиотеке и даже нашёл записи Диара, спрятанные за книгами в глубине шкафа, подальше от посторонних глаз.

Я пожал плечами.

– Потому что ты бы была против.

– Разумеется! С чего вдруг, мне соглашаться? – Калья язвительно изогнула соболиную бровь.

– С того, что это спасло Мне жизнь!

– Или чуть не убило тебя, а заодно и Марью! Думаешь, я не понимаю, что это дурацкое везение?! – её голос дрожал, впервые на моей памяти. – Для этого я растила тебя?! Чтобы ты сам себя убил?

Ярость прошла. Остался гнев и немного злости.

– Я спрошу ещё раз. Кто дал тебе право копаться в моих вещах?!

Ну или не немного.

– Лучше просить прощения, чем разрешения.

– Кто сказал тебе эту чушь?! – Горная река готовилась обрушиться со скалы, хрустальная тишина, что прервалась от звенящего удара и осколки разлетелись по полу, бесконечно переливаясь высокими звуками.

Наступило долгое безмолвие.

На миг.

А потом.

Я больше не в силах терпеть, взорвался, протянул левую руку к ней, так, чтобы было видно метку и закричал:

– Вот она, Калья! Посмотри на меня! Я калека!

– Ты ходящий! – Она тоже кричала.

– Ходящий? Ты серьёзно?! – Я расхохотался. – Лучник без глаз. Мастер меча, не имеющий рук. И Кристиан – ходящий. – Я хохотал, как умалишённый.

Она не отвечала. Просто смотрела.

Я видел, как в страдании искажается её красивое лицо. Как переливаются камни на озерелье, словно наполняясь тьмой.

– Диара ты тоже от чего-то защищала?! От него самого или мира? – Так оглянись вокруг – вышло не очень!

Я увидел бесконечную боль на высокородном лице.

Тени сорвались со своих мест.

Воздух зарябил.

И тогда она ударила.

История пятая. Мариосса

Всё тело ломило. Голова хотела развалиться на несколько частей. Не удивительно. Учтивая, что мне снились летающие вороны, которые постоянно орали над головой. Бесконечный кошмар из которого невозможно было выбраться. Я просыпался лишь для того, чтобы понять, что всё ещё во сне. Менялись только места. Пустыни Шентара, баньяны Лиарты, горы Ровалии, густые леса Ирритии, заснеженные равнины Севера и вечнозелёные поля Илирии. Где бы я не просыпался, вороны без умолку каркали, хлопали крыльями и деловито расхаживали передо мной.

Поначалу я отмахивался, пытался не обращать внимания. Но их становилось только больше. Они нагнали, начинали садиться на плечи, потом на голову. И оказывалось, что я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Даже кричать не получалось. Они облепляли меня всего полностью. Перья лезли в глаза и нос. Я начинал задыхаться.

– Кто дал тебе право?! – послышалось за хлопаньем крыльев.

Красивая женщина в чёрном платье и высокой сложной причёской сжимает в руках потрёпанную книгу. Она говорит мне что-то ещё, но я не слышу. Не понимаю.

А потом её платье превращается в целую стаю птиц.

– Будь ты проклят, ходящий! – заплаканная женщина в возрасте толкает меня, задевая почему-то сломанную руку.

– Уходи, – грузный мужчина смотрит пустым взглядом.

Я хочу что-то сказать но из-за его плеч вылетает целая куча воронов, окружая меня. И начинает клевать. Я падаю на пол. Тени почему-то не слушаются.

Я проваливаюсь в грязную, всю в перьях лужу.

И оказываюсь посреди Моста

Рука уже не болит, но доски начали шататься. До ушей донеслось противное карканье.

– Я проведу тебя, Гиль, – окровавленная женщина держит на руках тело с посиневшим лицом и привязанной к шее верёвкой, протягивает мне руку.

А потом мост перевернулся. Из-за него вылетели птицы.

Я просыпался и засыпал. Просыпался и засыпал.

Я засыпал.

Я просыпался. И видел палящее солнце пустыни.

Только для того, чтобы заметить, как на меня несётся целое облако чёрных воронов, закрывающих собой всё небо.

– Солнце не может успеть везде, Кристиан, – раздаётся голос справа. Бархатный и пересыпающийся. Как песок.

Я успеваю заметить непослушные кудрявые волосы, перед тем, как птицы налетают на меня, заключая во тьму.

И снова просыпаюсь.

Холодно. Дышать тяжело. Воздух замерзает, едва успев выступить наружу. Глаза слепнут от яркого и белого снега.

– Странно, что ты ещё жив, де Гильер, – хриловатый и недовольный голос. – Как ты сюда попал?

Я слышу звук стучащей об лёд трости.

– Кого ты встретил на этот раз? Ринтрела? – издёвка была до безобразия знакомой, но я никак не мог вспомнить. – Или уже пошла очередь богов? Кто из них провёл тебя на этот раз? Гестир? Калатрис? Изнар? Или Джардиш показал фокус, как обмануть тень? Кстати, ты не видел моего ворона, де Гильер?

Я прищурил глаза, стараясь разглядеть говорящего. Но различить смог только силуэт.

– Ворон, де Гильер. Это такая птица. Ладно, сам найду, – мужчина махнул рукой и, хро-мая, пошёл куда-то от меня.

Я весь дрожал от холода. Хотел догнать странного ворчуна, но наледь резала ступни. Я упал. А потом белое начало превращаться в чёрное. Целая туча птиц вылетела на меня прямо из снега. Они заполонили всё. Тьма стущалась.

Я закрыл глаза.

– Хорошее вино. Темпранильо! Нужно обязательно взять пару бутылок с собой, – человек в белоснежной рубашке держал в руках бокал. – Не обижайся, но тебе я их не доверю. Ты похож на покойника. Вдруг разобьёшь.

Окна разлетелись осколками. Внутрь начали залетать чёрные птицы. Они противно каркали. Заполонили собой всю комнату. Закружились вокруг меня, мешая дышать. Царапали когтями.

Я закрылся руками. Дёрнулся, открывая глаза.

В комнате было темно. А ещё жарко.

Диан сидел перед зеркалом и листал книгу в потрёпанной обложке.

– Крухх. Каа-ах.

На моей груди сидел ворон и смотрел чёрными бусинками глаз.

– Всё таки проснулся?

Хриплый и недовольный голос. Ничего не изменилось. Я содрогнулся, вспоминая бесконечный кошмар.

– Даже во сне ты такой же брюзга, Диан.

Северянин неожиданно улыбнулся.

Карр раздражённо, но очень легко клюнул меня в щёку, привлекая внимание.

– Он хочет, чтобы ты его погладил, – в глазах Диана появилось какое-то тепло, которого я никогда не замечал раньше. – И на твоём месте я бы воспользовался моментом. Он за тебя беспокоился.

Пришлось доставать из под одеяла руки и осторожно, чтобы приставучая птица не удумала какой-нибудь каверзы или, вдруг не превратилась в стаю, почесать пернатого.

Ворон довольно закаркал. Потоптался у меня на груди и перелетел к хозяину.

– Странно видеть в этой комнате тебя, а не Калью, – голова всё ещё болела, будто меня хорошо приложили камнем.

– А мне странно видеть тебя живым, – Диан положил книгу на прикроватный столик. – Так выводить людей из себя. Нужно обладать особым искусством. Что ты ей сказал?

Я вспомнил маску страдания на прекрасном лице.

– То, что она не должна была слышать.

– Ну разумеется, – усмехнулся северянин. – Она видит в тебе его. Слышит себя. А обнимает мальчишку, который не может ступить в тень.

Я поморщился, сейчас мне было около восьмидесяти пяти. Но для всегда ворчливого и хромого учителя, который жил ещё во времена тёмной войны — я был вечным юнцом, не знающим простейших вещей. Да и про Калью у него тоже было своё, довольно странное мнение.

– Слышит себя? – старый ходящий явно что-то путал.

– Уж поверь мне, – Диан потрепал ворона по голове, вытащил из кармана, сушёную оленину. – Раньше она говорила те же слова, что и ты. Наивные и полные веры во всё хорошее.

Я задумался, вспоминая Калью. Для меня она всегда была такой. Её интересовали только сумеречные своды, уничтожение вампиров и другие ходящие. На людей ей было плевать. Видимо, Диан говорил про какую-то другую Калью. Которую я не успел застать.

– Тебе повезло. Даидир услышала, что кто-то касается дара. – Диан, смотрел, как ворон поедает мясо. – В Шентаре её называли пустынной ведьмой. Ты знал, что когда она решила навестить свою семью — на неё напали сахиры?[1]

#1 [Сахиры – маги песков. Волшебники Шентара, специализирующиеся на магии песка. Могут превращаться в вихри, рассыпаться, создавать песчаных воинов. У них есть разделение на четыре ступени мастерства 1. заклинатель песка. 2. Ткач песка. 3. Страж песка. 4. Эфемер.]

– Нет, – с удивлением ответил я. Несмотря на то, что мы долгое время путешествовали с ней по восточному материку — она очень мало рассказывала о своём доме и старалась не подходить близко к Шентару.

– Если коротко, то она убила двоих, а третий успел скрыться, обратившись песком. Оказалось, что это кто-то из четвёртой ступени, приближённый к императору. С тех пор мы не особо с ними в ладах. Хотя... – Диан махнул рукой. – Можно подумать, мы когда-то дружили. Там считают, что тень убивает солнце. А Даидир теперь ведьма, приносящая тьму. Убийца детей пустыни.

Северянин легко провёл рукой по клюву довольного ворона и вытер руки об рубашку:

– Так что, когда Калья решила отправить тебя прямиком в Бездну, рядом уже была Даидир. А мне, представь себе, пришлось прервать занятие, – в голосе Диана опять проскользнули ворчливые нотки. – Таль никак не научится работать с материалом. Видел бы ты его скульптурки. Только зазря переводит глину. Слишком ленив.

– Даидир? Но как она успела? – я решил не обращать внимания на недовольство нерадивым учеником.

– Не знаю, – криво улыбнулся Диан, думая о чём-то своём. – Видимо также трясётся над тобой, как и раньше.

– Крухх, – Карр тоже решил вставить своё веское птичье слово.

– Когда они решили устроить тут побоище, я решил, что началась новая Тёмная война. Пришлось немного получить из-за тебя, – Диан повернулся ко мне боком и я увидел большой синяк, который, впрочем, уже сходил. Сколько же я провалялся? – Уж не знаю, что ты ей такого сказал. Но будь здесь все отрёкшиеся[2] разом — им бы пришлось несладко.

#2 [Отрёкшиеся – другое название несущих смерть.]

– Карр-карр, – ворон взлетел с плеча и начал носиться по комнате. Ему явно понравилась шутка его ворчливого хозяина.

– Где она сейчас? – задал я так интересующий меня вопрос?

– Даидир или Калья? – северянин сделал вид, что не понимает, а потом довольно расхохотался. – Они обе ушли. Отправились в Ирлин. Потом в Ровалию. Ты, видимо, всё же смог достучаться до неё, чтобы ты не сказал.

Ходящий встал, опёрся на трость и протянул мне книгу:

– Занятно, но бесполезно для всех, кроме тебя. Удивляюсь, как ты умудрился не угробить себя с Марьей. Ты хоть знал, что будет?

Я покачал головой.

– Нет. Какая-то нора. Я не особо успел вникнуть. Калья не дала прочитать. Сказала, что это не для меня.

Диан смотрел уже серьёзно.

– Из всех плетений ты увидел то, которое тебя в итоге спасло. И самое удивительное, что ты его запомнил. – Северянин укоризненно прищурил глаза, – сам Джардиш помог открыть тебе нужную страницу, де Гильер. Или Сиарант. Как думаешь, это было провидение или удача?

Ворон, каркнув, сел на плечо хозяина, потёрся об него головой.

Дверь захлопнулась.

Я остался один. Вместе с книгой. Которую, вот странно, сейчас даже не хотелось открывать.

На месте, где сидел Диан лежали тёмная свёрнутая ткань, игла и катушка белых ниток. Я усмехнулся. Откуда он узнал? Но это потом.

Калья и Даидир ушли в Ирлин. Вдвоём. Интересно, если бы шентарка не успела. Калья ударила бы второй раз?

Я встал с кровати и подошёл к зеркалу.

Гребень лежал на своём месте, как и её полотенце. Я снял его с крючка, прижал к лицу, стараясь уловить так знакомый мне запах малины и хвои.

Нити, едва заметно светились, когда я к ним прикасался. Мой плащ остался у Марьи. Так что теперь мне нужен был новый.

Чёрная странная ткань, происхождение которой ни Диан, ни Даидир, ни Калья никогда не раскрывали, приносилась откуда-то с нижних уровней замка. Именно благодаря ней мы могли стоять в тёмном углу, практически не касаясь дара и сливаться с тенью. Оставаться в этом мире, но быть почти незримыми. А вот вышивать на них узор белыми нитками каждому ходящему приходилось своими руками.

И у всех получалось по разному.

Я сидел в общей зале. Один среди множества пустующих длинных дубовых столов. Когда-то здесь было много учеников. Слышался залиvistый смех и велись беседы.

Сейчас же...

Статуй во дворе давно стало больше обитателей замка.

Несущие смерть. Тёмная война. Ошибки прошлого. Древние и уже всеми забытые распри с волшебниками и некромантами. Время всё расставляло на свои места. Пусть порой это и занимало тысячи лет.

Время...

Я втыкал иглу, протягивал нить в ткань, делая петлю, завершал стежок. А потом опять втыкал иглу. Долго, мучительно и скучно. Шить я не любил. Примерно, минут через десять все руки были исколоты острым кончиком. Отчего я, конечно же, был не в самом лучшем настроении.

– Вы не возражаете, если я посижу рядом?

Я отвлёкся от работы, поднял взгляд и, естественно, ещё раз уколол себя иглой. Алантра, наверное, сейчас смеялась, наблюдая за мной.

Вихрастый, с худым лицом и носом с горбинкой парень. Таль – так его звали.

– Конечно.

Парнишка сел и молча принялся смотреть. Я же выводил стежок за стежком, делая шов. Постепенно проступал рисунок.

Размытый человеческий силуэт.

Прошло примерно полчаса, когда он спросил:

– Для чего вы вышиваете на плаще?

В глазах Талья светился неподдельный интерес.

– Ты имеешь ввиду остальной орнамент? Смотри, – я коснулся дара и белые нити засветились белым светом. – Ты можешь управлять тенью — пока она есть. Нет света — нет тени.

Я создал лёгкое плетение, нити начали гаснуть, затем чернеть. Вышивка слилась цветом с плащом.

– Но для чего? – Таль непонимающе смотрел на плащ.

– В древние времена, когда нас было больше, мы враждовали с песочными колдунами Шентара. Они с некромантами Илирии, а те, в свою очередь, с волшебниками Ирритии и Ровалии. Хотя, страны тогда назывались по другому, – я вздохнул, вспоминая слова Даидир. Она с тоской и восторгом рассказывала про изумрудную зелень заклинаний мастеров смерти, – Каким-то образом, спустя тридцать лет войны ходящие и сахиры пришли к тому, что устроили

переговоры. С нашей стороны были Ринтрел и ещё несколько ходящих. Всё это происходило в Лиарте. В каком-то всеми богами забытом доме или замке. Впрочем, неважно, – в глазах Даидир словно отражалась тьма того времени. – Мы хотели мира. Пришли в надежде договориться. А шентарцы... Мой народ... В чью-то голову пришла идея погрузить помещение в крошечную тьму. И тогда оказалось, что Ринтрел со всем своим искусством и силой не может сделать абсолютно ничего. Как и другие мастера теней, – Даидир замолчала, смотря в пустоту. – Их... Перебили как новорожденных и беспомощных детей. Только одному удалось уйти через Изнанку. Волшебный огонёк в кармане. Милая безделушка. Жаль, что он догадался слишком поздно, – голос южанки дрогнул, выражая непостижимые горечь и сожаление. – А война продолжалась ещё пятьдесят лет, выкосив большую часть обладателей дара с обеих сторон.

– А раньше плащи были без нитей? – за спиной послышался женский голос и я снова уколол себе палец. Это Ида присоединилась к нашей беседе, возвращая меня обратно из воспоминаний. Рассказывая историю я слишком увлёкся и вспомнил ту напряжённую ночь в Лиарте близ Шентара. Когда Даидир с тоской смотрела на такую близкую и такую далёкую родину. И рассказывала истории мира.

– Раньше об этом никто не задумывался. Шентарцы очень изобретательны на подобное. С тех самых пор плащи ходящих светятся. А в Лиарте растут баньяны. Есть поверье, что это дар Ринтрела впитался в землю вместе с дождём и дал новую жизнь миру Сааны.

Я вспомнил огромные рощи, вырастающие из одного дерева. Воздушные, свисающие с ветвей корни, которые в большинстве своём так и застывают не добравшись до земли. Но если им всё же удаётся укорениться в почве – вырастает ещё одно красивое и необычное дерево.

– Ничего себе! – Ида восторженно смотрела на моё будущее одеяние. – А расскажите ещё что-нибудь?

Они с Талем умоляюще смотрели, подавшись вперёд. Ещё бы. Наверное, кроме изучения анатомии, скульптур и основ рисования здесь мало развлечений. Тени пока не подчиняются в полной мере. А Диан слишком суров для этого.

– Хорошо. Только я не наставник. Не стоит на меня выкать. – улыбнулся я юному поколению. – Просто Кристиан.

Ида и Таль заулыбались. Я не отгораживался от них, а наоборот, разговаривал, как со взрослыми. А что ещё нужно подросткам?

– Знаете, как появились ходящие? – дождавшись, когда ученики отрицательно покачают головой, я начал рассказ. – Раньше, когда боги ещё ходили по миру, передавая знания, всё было по-другому. Не существовало волшебников, некромантов, нас. Были только люди. А чудеса творили высшие сущности, что мы зовём богами. Они создали асильцев, миролюбивую расу, что выглядят, как люди только с другим цветом кожи, но живут дольше и обладают большей скоростью, реакцией и силой. Совсем немного большей. Но всё же, – я посмотрел на длинные и пустые столы. – Говорят, они не умеют предавать... Сейчас их почти не осталось. Сначала Тёмная война. А после обычный люд довершил то, что начали отрёкшиеся.

Я рассказывал про ушедшие под воду острова, про пожары в уцелевших деревеньках на суше, погромы в районах людских поселений, где жили асильцы.

Постепенно к нам присоединялись другие обитатели замка. Юэн и Матео, что закончили обучение примерно в одно время со мной. Синдр, как и Диан, сын вечных снегов Севера. Высокий с длинными чёрными волосами, задумчивый и молчаливый.

Я рассказывал и молодые ходящие хмурились, слушая, как исчезал самый удивительный и добросердечный народ Сааны.

– Постепенно каждый из богов начал всё больше влиять на мир в стремлении подстроить его под себя. Распространять свою силу. Так появились волшебники, доспехи синих стражей, некроманты, сахиры, егери смерти, сонорусы, что чувствовали отклик и могли отыскать Путь.

Боги хотели распространить свои сущности как можно дальше. Но им не давали их же собраты. И тогда они принялись убивать друг друга.

Я обвёл взглядом свою маленькую аудиторию. К нам успел присоединиться Рил, Марья и даже Розалия.

Вторая и последняя уроженка Шентара в Сумеречных сводах. Калья обучала её ещё до меня.

– Небеса горели огнём. Океаны вздымались до самых высоких гор, день сменялся непроглядной тьмой, а земля разверзалась, ломаясь на части. Реки пересыхали, а горы обращались в прах, – я сделал паузу. – Так исчез западный материк. Вместо него остались чёрные оплавленные камни, огромные рифы в море и выжженная земля там, где её ещё можно найти.

Боги убивали друг друга. Но... – я обвёл всех собравшихся взглядом. В общей зале стояла гробовая тишина, – Их сущности бессмертны. А значит, стоило им только умереть – как они приходили вновь. И всё продолжалось. До того момента, пока они не поняли, что могут уничтожить весь мир своими распрями. Тогда они решили, что каждую эпоху будет править один из них. Но не вмешиваясь в дела смертных. Просто наблюдать. Первым выпало править Изнару – богу огня. Но из-за того, что мир и так пылал, боги убоялись, что он разрушится окончательно, поэтому всю вторую эпоху правили двое: Изнар и Гестир – бог воды. Один дал людям огонь, а второй научил судоходству, проложил русла рек и создал озёра. Затем пришла Юдифь – дитя счастья и радости и это была эпоха расцвета и процветания. Но в последние годы её властвования Калатрис – богине тьмы и коварства стало завидно и она решила создать тёмные сущности, что подчинят себе весь мир. Сиарант, слепой старец, что несёт свет, видит всё, как грядущее так и прошлое – знал, что рано или поздно Калатрис не сдержится. Поэтому, когда она создавала тёмные сущности по своему подобию, он вложил в каждую из них частичку света. Так и появились ходящие по теням. Несущие в себе и свет и тьму. Не способные существовать без одного или другого.

Когда я закончил все молчали.

Розалия, утончённая, смуглая с длинными и прямыми волосами смотрела на меня задумчивым взглядом и поворачивала родовое кольцо на пальце.

– А что было дальше? – тихий голос Иды прозвучал неожиданно громко в наступившей тишине и она сжала голову в плечи, когда многие взгляды обратились на неё. Но Матео подружески растрепал короткие волосы девушки, словно говоря, что бояться нечего. Она в кругу друзей.

– Дальше? – я отложил почти законченную вышивку в сторону. – Мы появились почти под самый конец эпохи Юдифь. Расцвет уже заканчивался, а ходящие только прекратили ползать и научились ходить. Но следующая эпоха прошла под взглядом всеведущего Сиаранта. Мы учились, обрастали знаниями и силой. Смотрели вперёд, – Даидир говорила сквозь время и отблески пламени. Я всего лишь пересказывал. Передавал знание. – А потом пришла очередь Сантры. И она принесла с собой войну и завоевания. Именно тогда погиб Ринтрел, создатель плащей из тени и многих плетений, которыми мы пользуемся сейчас.

Все воевали со всеми, стремясь захватить как можно больше земли, власти, ресурсов, людей. Или знаний.

Я вспомнил про книгу, что оставила мне Калья, чуть не убив при этом.

– А после пришла Калатрис. Своими речами, что плетут ложь и обман она научила некоторых из асилийцев обращаться к магии Бездны. Так появились первые колдуны. Бездна развращала. Изменяла все их помыслы. Нашептывала ложные истины. Взрачивала пороки.

Другие асилийцы со временем заметили, что с их братьями и сёстрами что-то происходит. Они стали жадными, горделивыми, властными и озлобленными.

И потому их изгнали.

Попытались изгнать.

Асилийцы стали сражаться с асилийцами. Они убивали друг друга, как боги когда-то. Но не возвращались обратно. Ведь они были только детьми богов.

Тогда их народ понёс большие потери. Стал сломленным. И уязвимым. Они пошли против своей внутренней сущности – миролюбия.

Почти всех колдунов асилийцев убили. Кроме семерых.

Я смотрел куда-то в огонь ночного костра близ Шентара. И медленно повторял за Даидир имена. Одно за другим:

Ильнейт.

Илисира.

Израил.

Нальфейн.

Салара.

Юимир.

Иона.

Их стали называть отрѣкшимися. От своего народа, идеалов и жизни. Они ушли далеко в земли Илирии и Лиарты, – Юэн и Матео переглянулись, услышав название своих стран, – прятались в горах Ровалии, а затем почти через полмира сбежали в Шентар. Но и там не смогли долго существовать.

Розалия прекратила крутить кольцо и теперь просто смотрела на вкрапленный фиолетовый топаз.

– Магия Бездны извратила их. И они умерщвляли всё, к чему прикасались. Оставляли за собой проклятую, выжатую землю, мёртвые и сухие деревья. Они заражали сам воздух вокруг, принося только болезни и смерть. Так появились леса Маррэдит.

Я заметил, как сразу поднял голову Рил, стоило мне только произнести имя сестры Смерти и хозяйки егерей.

– А отрѣкшихся стали называть несущие смерть. Они не могли по другому. Иначе Бездна начинала разъедать их самих. Тогда, не в силах больше держать в себе всю ту ненависть и боль, что взрастила в них Калатрис, они попытались передать часть этой проклятой силы людям. Многие умирали почти сразу, другие мучились несколько дней. И лишь каждый десятый выживал. Обретая силу, скорость и тьму в душе. В них начинала жить частичка Бездны, но они были не асилийцами — людьми, поэтому не в силах сдерживать зародившуюся тьму, которая просила крови, чтобы утолить вечный голод, они начинали нападать на своих соплеменников, разрывая их на куски, как дикие звери. А если их касались лучи солнца, то они сгорали в бесконечных мучениях, – я обвёл взглядом всех собравшихся и сказал всего три слова:

– Так появились вампиры.

– В тебе умирает бард и рассказчик, де Гильер, – у входа в общую залу, опираясь на трость, стоял Диан, на плече у него, как и обычно, красовался Карр. – И раз уж ты рассказываешь настолько интересно, что Таль, Ида и Рил потеряли счёт времени и забыли, что у них урок, – он неожиданно добродушно посмотрел на заслушавшихся учеников и продолжил своим обычным недовольным голосом. – Может, тогда объяснишь им, чем Проклятые земли отличаются от лесов Маррэдит? И почему в одном месте просто творятся странные вещи, а в другом ни одной живой душе не удаётся воспользоваться даром?

– Почему бы и нет? – усмехнулся я. Нечасто можно встретить Диана в хорошем настроении. Может, ему нравилось, что сейчас здесь собрались все? Впервые за долгое время.

Послышались перешёптывания. Разумеется, добродушный взгляд уловил только я и ходящие постарше. Молодёжь же настороженно смотрела на ворчливого наставника, не веря, ожидая, что сейчас разразится буря.

– Отрѣкшиеся несли в себе лишь частичку Бездны, отравляя всё к чему прикасались, – начал я. – Долгое время они жили у нас под носом, затаившись, никак не проявляя себя. Пока

леса вокруг не стали высыхать, превращаться в болота, темнеть и умирать. И тогда ходящие заподозрили, что зло поселилось рядом с ними. И отогнали колдунов подальше от Сумеречных сводов. Но к тому моменту несущие смерть уже почти оправились от гнева асилийцев. Они создавали вампиров, лживыми речами заключили союз с Шентаром, собрали армию. И когда окрепли достаточно – обратили свой гнев на земли, в которых они прятались, а их от туда изгоняли. Они думали, что несут справедливое возмездие. Ослеплённые Бездной, обманутые Калатрис, что обещала им вечную жизнь, они сжигали целые города, не оставляя в живых никого.

Пока не добрались до Ирритии. Асилийцы предложили свой дом, как укрытие для детей, женщин и немощных стариков. И их перевезли на асилийские острова. Воины, волшебники и ходящие собрались у границы Ровалии, готовясь принять бой. Страна опустела. Но каким-то образом несущие смерть узнали, что основные силы сосредоточены у Ровальских гор. И тогда они обратили свой взор на свою бывшую родину – Асилийские острова. В этот раз с ними были сахиры – заклинатели песка, вампиры и обученные отрёкшимися колдуны.

Острова Асии, что когда-то были самым красивым местом на земле, перестали существовать. Ушли под воду. Вместе с башнями из белого камня, домами выращенными из деревьев, животными, что веками жили рядом, большей частью жителей и ирритинцев. Детей, женщин и стариков.

Я замолчал. На меня смотрели все. Ученики очень внимательно, с ужасом и страхом. Их живое воображение рисовало картинки

Розалия всё так же задумчиво. По её лицу никогда нельзя было понять о чём она думает.

Марья с тоской и печалью. Вспоминала Ровалию. И своего ученика.

Юэн и Матео хмурились.

И лишь Диан глядел в пустоту. Проживая то время заново. Даже его ворон, боясь потревожить хозяина недвижно застыл на плече.

– И тогда асилийцы, те крохи, что остались в живых, сломались. Как и другие народы. Никто уже не представлял, как победить несущих смерть. Они были слишком сильны. Люди отступали всё дальше и дальше вглубь Ровалии, пока не дошли до Асарийского передела. Живописные места, окружённые непроходимой грядой гор.

Именно там материя мира, была тоньше всего. Волшебники Сияющих шпилей предложили план. Пробить проход в Бездну, а потом с помощью соноруса запечатать навечно, вместе со всеми теми, в ком течёт её магия.

План казался невыполнимым, нереальным. Никто не знал точно, что произойдёт. Расчёты были только на бумаге и в головах. И никогда не применялись на практике.

Но всё вышло так, как и задумывалось.

Почти.

Бездна поглотила несущих смерть и большую часть их созданий. Но успеладохнуть в наш мир.

Асарийский передел превратился в выжженную землю с ужасающими существами и необъяснимыми явлениями. Там исчезал дар и заболевали неизлечимыми болезнями люди.

Я закончил говорить и осознал, что последние слова произносил с хрипом, у меня пересохло в горле. Слишком долго я рассказывал о прошлом. Непривычно долго.

Розалия налила мне воды из графина на каменной полке. Молча подала стакан.

А Диан отложил трость и захлопал в оглушающей тишине. Его хлопки были подобны грому где-то высоко в горах.

– Браво, де Гильер. Если бы каждый нёс в себе столько знаний... – он не договорил. Следующий его хлопок содрогнул общую залу. Задребезжали стёкла. Ученики испуганно заозирались.

Диан перестал играть в восхищённого слушателя и сразу преобразился:

– Матео за главного! – уведите детей в зеркальный зал. Розалия – проверь, что там происходит.

Надменная шентарка молча кивнула и шагнула в тень. Уточнять где, было ни к чему. И так было понятно, что кто-то пытается попасть на Мост.

Всё опять дрогнуло. Зазвенело.

Матео повёл остальных в зеркальный зал. Он, как и я родился в Лиарте. Худой, невысокого роста, всегда чисто выбрит и аккуратно подстрижен.

Ворон оттолкнулся от плеча Диана и вылетел в окно.

– Догоняй, – северянин с лёгким осуждением посмотрел на меня, усмехнулся, ударил тростью об пол и занеся ногу, словно делая шаг, исчез. Тратить силы на нас двоих он счёл неразумным. Так уж получилось, что для того, чтобы провести другого ходящего через тень нужно было выбросить впустую столько дара, что занимались этим только в самых крайних случаях.

Грохнуло ещё раз.

Я шёл быстрым шагом. После удара Кальи, беспамятства и кошмаров мне было не сильно хорошо. Тело не успело восстановиться.

Залы и коридоры мелькали один за другим. Я не обращал на них внимания, гадая, что же произошло? Звон и грохот, кстати, прекратились. Это могло означать очень многое.

Или ничего не значить.

Даидир и Калья сейчас где-то далеко. Как и другие ходящие, что ходят по миру. И если что, справляться придётся своими силами.

Я вышел из замка, спустился по лестнице. Небольшая роща, если можно было так назвать семь осин, что раскинулись между мостом и замком. И открытое пространство за ними, заполненное статуями.

Прямо у Моста стоял Диан и напряжённо всматривался в клубящуюся тьму. Его ворон летал вокруг. Увидел меня. Каркнул. И залетел за границу.

Я выругался. Интересно, птица вообще понимает, куда она отправилась?

Я подошёл ближе к Диану.

– Сейчас должны выйти, де Гильер.

Северянин не оборачиваясь чуть двинул тростью и вокруг неё закружились очертания: три верёвки из тени бесконечно переплетающиеся между собой. Какой-то незнакомый мне узор.

Я с напряжением начал смотреть в чёрный туман. Видно было только первую доску моста.

– Карр-карр, – треклятая птица неожиданно вылетела из мглы, махая крыльями, словно одно из созданий Бездны. Я едва успел погасить плетение, почти сорвавшееся с рук. Диан даже не двинулся.

Из чёрного тумана медленно показалась фигура. Белоснежная рубашка-платье с широкими рукавами, чёрные штаны широкого покроя, увитые браслетами руки.

Недовольная Розалия вышла с Моста, зябко потирая плечи. За ней, держась за руку шентарки вывалился взъерошенный Клементе, одетый в грязный и изорванный утеплённый плащ. Его волосы стояли дыбом. Кожа посерела. Выглядел он неважно.

И самое забавное, что я не знал, что хуже – попытаться пересечь Мост, не обладая даром ходящего или натолкнуться на раздражённую Розалию.

– Бил молнией в дверь, – шентарка смотрела на Диана. – Кольцо для стука его, видимо, не устроило, – девушка перевела взгляд на меня. – Что с него взять, лиартец... Кстати, говорит, что твой друг. Скажи, почему я не удивлена, Гиль?

Диан на это только усмехнулся.

– Кррухх, – ворон спикировал на плечо хозяина, громко возвестив о своём приземлении.

Клементе вздрогнул, когда чёрная птица из-за спины пролетела совсем рядом с его лицом, задев перьями.

Карр переступая с ноги на ногу развернулся лицом к мосту, устраиваясь поудобнее на плече. И уставился чёрными бусинами глаз на волшебника.

– Клементе де Альенд. К вашим услугам, – Клементе с подозрением покосился на пернатого питомца, галантно поклонился, делая вид, что снимает шляпу. Точнее сделал попытку. Вышло у него не очень.

Розали окинула взъерошенного волшебника оценивающим взглядом, её лицо тронула лёгкая улыбка. – Скажу остальным, что опасности нет, – она растворилась тенью, оставив нас троих.

Четверых, если считать Карра.

– Прошёл один по лесам Маррэдит, – голос Диана был сухим. – Какая нужда привела тебя, волшебник?

Хозяин ворона долгим взглядом смотрел на моего осунувшегося и уставшего приятеля из страны баньянов.

Я никогда не считал Лиарту своей родиной. Слишком в раннем возрасте мне пришлось покинуть её. Сумеречные своды Ирритии стали моим домом.

– В этот раз прошло много меньше пяти лет, – я с улыбкой протянул Клементе руку. Он покосился на ворона, сощурил глаза. – Верно Кристиан, рад тебя видеть. В этот раз всего четыре месяца.

Улыбка у него вышла вымученной.

А я застыл на месте. четыре месяца?! До Ирлина на карете мы добрались за четыре дня, где и расстались с Клементе. Ещё семь ушло на то, чтобы пешком дойти до Сумеречных сводов. Получается, что все остальное время я провёл во сне, если не считать несколько дней перед тем, как Калья решила испытать на мне одно из своих плетений. Что могло произойти за это время? Как давно ушли Калья и Даидир? И для чего так рисковал Клементе отправившись в одиночку по лесам Маррэдит. И почему синяк на лице Диана только сейчас начал сходить?

– Не познакомишь меня со своим грозным другом?

Волшебник, несмотря на свой измученный вид, пытался бравировать. Хотя я видел, что он едва в состоянии держать свой магический жезл.

– Меня зовут Диан эл Сур, волшебник. Разговариваешь про меня – разговариваешь со мной! Это ясно?

Диан ненавидел расшаркиваний и позёрства. Он, как и все северяне говорил прямо, не ходя вокруг, да около.

Клементе, привыкший к этикету Лиарты, смутился.

– Прошу простить моё невежество. Я не хотел показаться неучтивым.

По хмурому лицу Диана становилось понятно, что его настроение начинает портиться быстрее, чем меняется погода на море.

– Зачем ты пришёл, волшебник?

– Кррухх, – ворон расправил крылья, задев ими лицо северянина, чем вызвал ещё большее недовольство. Наставник ходящих раздражённо дёрнул плечом, от чего Карру пришлось взлететь со своего насеста и также недовольно захлопать крыльями уже в воздухе.

– Моей стране нужна помощь.

Клементе, наконец, поняв, что говорить нужно максимально прямо, а не излагать свои мысли витиевато, как он привык, всё таки сказал, что от него требовалось.

– Лиартцы... – Диан с укором посмотрел на меня. – Почему с вами всегда так сложно? Какая помощь тебе нужна, волшебник? Ты видишь здесь войско? Или, может быть, ваш орден магов исчез в одночасье?

– К счастью нет, – мой приятель, стоял почти склонившись. Я видел, что у него уже не осталось сил, но Диан будто не замечал этого.

– Тогда почему ты пришёл к нам?

– Давай позже, Диан? Я ручаюсь за него.

Северянин хмуро посмотрел на меня. – Увижу дальше гостевых покоев, пусть пеняет на себя, – с этими словами он развернулся и стуча тростью об землю направился в замок.

– Не обижайся, но на похоронах люди выглядят лучше, – я вернул КLEMENTE его шутку, сказанную им в Лиарте и взял под руку, мы пошли следом. Волшебник устало усмехнулся и крепко-крепко сжал мой локоть, его пальцы дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.